

Альбина Демиденко
Без права на память

Альбина Демиденко
Без права на память

«Издательские решения»

Демиденко А.

Без права на память / А. Демиденко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933927-0

Роман «Без права на память» повествует о сложной доле офицерских жен. Главная героиня — Лиля Костромина, воспитанная бабушкой в традициях российской интеллигенции. Ее муж Владимир Соколовский — военный дирижер. Родители Лили — офицеры-нелегалы — накануне Великой Отечественной войны «уходят работать» за границу. Девочке исполняется три года, когда родным сообщают о их гибели. Но Лиля не верит. Старая фотография послужит ключом к разгадке.

ISBN 978-5-44-933927-0

© Демиденко А.
© Издательские решения

Содержание

Лилия	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	39
Глава 11	42
Гарнизоны	45
Глава 1	45
Глава 2	48
Глава 3	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Без права на память

Альбина Демиденко

© Альбина Демиденко, 2018

ISBN 978-5-4493-3927-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лилия

Глава 1

В нашей нынешней жизни самый большой дефицит – дефицит любви и взаимопонимания. Но именно любовь порождает жизнь на земле, а понимание – ее продолжает. И что из этих двух свойств важнее – трудно сказать, ибо без того и другого жизнь теряет смысл.

Своих родителей Лиля не помнила. По рассказам бабушки она знала, что папа был очень известный юрист-международник, а мама – хорошо владела несколькими иностранными языками, в том числе английским, французским и немецким. Родители часто ездили в командировки за границу, возвращаясь в Союз, жили в основном за городом, в большом доме. Дом этот до сих пор сохранился, но после смерти родителей бабушка его продала от горя и отчаяния. Из-за своей занятости или из-за заумности, но детей родители заводить не хотели, и Лиля родилась совершенно случайно. Забота и воспитание девочки были переложены на старческие плечи бабушки и дедушки.

Лиле исполнилось три годика, когда родителей зверски убили в первый день возвращения после очередной длительной командировки. Сердце дедушки этого известия не вынесло, и они остались вдвоем с бабушкой, напуганной злыми слухами и домыслами о причине убийства сына и невестки. Говорят, что в ту пору было раскрыто громкое дело о валютчиках, где замешаны высокопоставленные чины из министерств, имена которых произносили шепотом. Среди этих имен звучали и Лилины родители.

Опасаясь за жизнь единственной внучки, старая женщина в одночасье продала за бесценок дом сына, квартиру и переехала жить в деревню, откуда была родом. От некогда большого поместья отца, профессора Драверт, осталось десять соток земли с заброшенным садом да ветхий дом, в котором с давних пор жила ее институтская подруга Маняша.

Кася Драверт и Маняша еще до революционных событий окончили высшие женские курсы и вдохновленные идеями любимых профессоров жаждали «...труда до забвения жгучего» чтобы, «разом весь мир полюбить»*, но грянула первая мировая, а за ней мир потрясла Революция с гражданской резней и противостоянием, и разбросало девушек в разные стороны.

Кася вышла замуж за молоденького революционера Костромина, которого партия направила работать в московский университет. А Маняша прошла подготовку в Старо-Екатерининской больнице Москвы и отбыла в действующую армию сестрой милосердия. Нахлебавшись смерти и боли, потеряв в Брусиловской мясорубке любимого, она вернулась в Москву, но и здесь ее ждали бытовая неустроенность и одиночество. Неприкаянно помыкавшись по городу, она по совету подружки, уехала в деревню, где ее приютили родители Каси. По совету старого профессора, работала сельским учителем, замуж не выходила и детей не имела.

Лиличка была тем ребенком, которому в полном объеме досталась и нерастроченная любовь, и строгий комсомольский подход к жизненным ценностям, и глубокий педагогический метод воспитания. Девочка росла застенчивой и очень вдумчивой. Ее чаще можно было видеть с книгой в руках, нежели беззаботно скачущей на скакалочке со сверстницами. Это радовало старушек, которые совершенно не задумывались, каково будет девочке в будущем.

Однако баба Маня, прожившая всю свою жизнь в деревне, понимала, что девочку необходимо учить бытовым премудростям и потому постоянно рассказывала и показывала как «картошечку посадить, супчик варить, и веничком пол мести». К девяти годам девочка спокойно справлялась с мелкой домашней работой, умела пуговицу пришить, мелкие вещицы простирнуть и легкий обед приготовить.

Бабушка тяжело пережила потерю сына и мужа. Лет десять еще как-то держалась, а потом совсем обезножила. Все заботы по дому и хозяйству легли на хрупкие плечи внучки да подружки Мани, такой же немощной старушки.

Несмотря на все это, Лиля с золотой медалью окончила школу. Учителя хором советовали ехать учиться в Москву. Здоровье бабушки с каждым днем все ухудшалось, и девочка приняла решение остаться в деревне, поработать в сельской библиотеке, куда ее с огромным удовольствием приняли. Но, как говорит народная мудрость, человек предполагает, а Бог располагает.

Заканчивался июнь, стояли душные летние ночи. Однажды рано утром, бабушка попросила Лилю присесть и выслушать ее.

– Деточка, – стараясь говорить спокойно, пожилая женщина едва скрывала слезы. – Настало время мне уйти, и я хочу, чтобы ты выполнила мою последнюю просьбу.

– Бабуля, милая, я выполню любую твою просьбу, только не говори так.

– Говорить или не говорить, какая разница. Обещай мне, что все исполнишь. Я тебе много рассказывала про твоих родителей. Мои рассказы были всегда лучезарны и чисты, как родниковая вода. Это необходимо было для твоего же блага. Твоего папу мы с дедушкой воспитывали по совести и по чести. Думали, ежели сами не творим зло, то и наш ребенок, глядя на родителей, никогда не совершит ничего непорядочного. Наше воспитание сказалось или по другим, от нас не зависящим причинам, но твой папа пошел по опасной и трудной жизненной дороге, и это привело к тем трагическим последствиям, которые мы с тобой до сих пор переживаем. Очень рано на твои плечи лег тяжкий груз, и его ты понесешь через всю свою жизнь. Я жила как могла, как родители учили – по совести. Честь свою и своей семьи берегла. Этому учила сына своего и тебя, моя кроха родная. Меня страшит твое будущее. Но я заклинаю, кто бы ни говорил, и чтобы не говорили тебе о родителях, помни – ты должна гордиться своими родителями! Никогда не опускай свою голову и смотри прямо в глаза людей! Запомни это! Я не могу тебе всего рассказать, слишком мало мне осталось, но придет время, и ты все узнаешь. Я очень надеюсь на это. Девочка моя, были бы силы, встала бы перед тобой на колени: прости свою глупую бабушку за все слезы, что ты выплакала и еще выплачешь, и за все горе, что тебе отмеряно в этой жизни. Это мой долг, это мой грех! – старая женщина прижала руку внучки к своим губам.

– Поддай водички. Во рту сохнет, а еще много сказать надо, – сделав пару глотков, старая женщина полежала с закрытыми глазами, собираясь с силами, затем продолжила. – Достань-ка вон там, в шкафу шкатулку. В ридикюле, в кармашке лежит ключ. Открой.

Девочка открыла шкатулку и ахнула.

– Не ахай, не ахай. Все эти украшения, драгоценности принадлежать нашей семье по праву наследства. Это то, что хранили женщины в семье знатного когда-то и очень достойного рода Драверт. Если ты вновь перелистаешь семейные альбомы, то многие цапки увидишь на портретах твоих предков. Из рода в род их бережно передавали младшей женщине. Пришло время, и я вручаю тебе эту частицу истории нашей семьи. Да-да! С каждой вещицей связана история, история нашего рода. Ни войны, ни голод, ни разруха не уничтожили память. Храни и передай своей внучке, накажи с честью и гордостью беречь и приумножать. В шкафу стоит старая книга. Принеси, пожалуйста, ее.

Лиля аккуратно достала большую пожелтевшую книгу в старинном кожаном переплете. Металлические уголки и застежка, выполненные в растительном орнаменте, подчеркивали изящество прошлых веков. Лиля осторожно открыла книгу и вздрогнула. На левой стороне фронтисписа, выполненного из тесненного нежного голубого шелка, на нее смотрела она сама. Тот же поворот головы, тот же курносый, слегка вздернутый, носик, тот же настороженный взгляд синих глаз она видела каждый день по утрам в зеркале. С недоумением девочка взглянула на бабушку.

– Это кто?

– Это Яруня Вавржецка, урожденная Драверт, твоя... Дай-ка посчитаю. Это твоя бабушка в четвертом поколении. Ты на нее очень похожа, но спаси Господи ее судьбу прожить! И эту книгу начала писать она. Потом продолжила ее дочь. Писала и я, а теперь передаю все это тебе. Здесь еще много страниц пустых. Их необходимо заполнить. Я знаю, ты будешь достойно и честно идти по жизни и не опозоришь наш род.

Старушка устало прикрыла глаза. Девочка тихо и осторожно перелистывала страничку за страничкой, изредка останавливая взгляд на рисунке, нарисованном карандашом или, едва шевеля губами, читала описание кем-то прожитого дня.

– Лиличка, распахни окошко, что-то день сегодня душно начинается, – вновь заговорила бабушка. – Открой пакет, что внизу шкатулки лежит. Эти деньги я приберегла. Знала, что тебе без меня не очень сладко будет. Теперь прошу, не транжирь на мелочи. Малую толику возьмешь мне на похороны. Особо не шикай. Незачем. Людей не удивишь, меня не воскресишь. Все сделай скромно. Остальное – тебе на учебу. Дай слово, что как только похоронишь меня, сразу же уедешь отсюда в Москву и поступишь в МГУ. Головка у тебя светлая, тут оставаться тебе нельзя. Затянет, не выберешься.

– Бабушка, что ты такое говоришь!

– Говорю, что знаю. И не реви попусту, в жизни еще столько горя будет, слез не хватит реветь. Обещай мне, что будешь сильной и мужественной.

– Обещаю, бабулечка, обещаю!

– Вот мне и легче.

– Бабуля, ты попей водички и поспи.

– Водички попью, а спать не буду, мне о многом сказать тебе надо, – немного помолчав, старая женщина продолжила. – Замуж за кого-либо не ходи. Иди за того кто сердцу люб и кто тебя будет любить! Без любви жить подлю. И детей рожай, не скупись. Живи честно, чтобы нам с дедушкой там краснеть не пришлось. Помни, я всегда рядом с тобой буду, – бабушка поцеловала внучку в лоб и перекрестила. – А теперь убери подальше шкатулку и ключ, да пойди, собери мне на опушке свежей земляники. Уж очень хочется с молочком попробовать ее.

– Я сейчас, я мигом, – девушка поправила подушку в изголовье бабушки.

– Ты там Маню толкни, пусть ко мне придет. И ступай, ступай... за ягодой.

Разбудив бабу Маню, Лиля побежала к опушке ближнего леса, где они с бабушкой всегда собирали землянику. К ее горькому огорчению ягода еще не совсем поспела, и ей пришлось долго ползать по полянке, чтобы набрать стаканчик. Довольная, что хоть мало, да спелая земляника попалась, девочка пошла домой. На подходе ее встретила соседка, тетя Нюра.

– Лиличка, ты откуда так запыхалась?

– Да я, тетя Нюра, к лесу бегала, за ягодой.

– А что уже ягода пошла? И где это ты собирала? Покаж, много набрала?

– Мало ее еще. Я вам все потом расскажу. Я бабушке сейчас ее отнесу, она просила, и к вам зайду.

– Нет, ты погоди, погоди. Подь сюды. Не торопись. Нету уж бабушки.

– Как это? – попятилась от соседки Лиля. – Как это?

Бабушку похоронили на сельском кладбище. Лиля не плакала, она сжалась в один сплошной комок нервов и ее бил мелкий озноб, несмотря на то, что на улице стояла невероятная жара, и баба Маня закутала девочку в большой пуховый платок. Попрощаться с покойницей пришла вся деревня. Оказывается за этот кроткий промежуток времени, что они здесь прожили, старая женщина успела оставить в сердцах односельчан добрую память. На поминках, которые собрали всем миром, люди с грустью рассказывали, как Александровна, кому-то в долг ссудила от своей скудной пенсии, да так и забыла, пока сам должник не вспомнил и не отдал, кому-то ребятенка полечила, кого-то учила читать, кому-то платье сшила.

В университет Лиля поступила с первого захода. Как иногородняя студентка получила место в общежитии и стипендию, за отличную учебу.

После отъезда девочки в столицу бабушка Маня захворала и, немного полежав в районной больнице, отошла в мир иной.

Вот так и осталась Лиля одна. Летом, на каникулах, ездила в свою деревушку, прибиралась на могилках родных, отсыпалась после сессий, отдыхала от городского шума и сутолоки, а осенью возвращалась в Москву. Где похоронены родители, девушка не знала. Одно время очень хотела найти их могилки, устраивала даже в выходные походы на городские кладбища. Приезжала утром и долго ходила, вычитывая фамилии и эпитафии на памятниках, но так и не нашла.

*Жаждешь труда, до забвения жгучего,

Хочется разом весь мир полюбить,

Хочется воли, простора могучего

В победоносном стремлении жить. – стихотворение, открывающее первый номер альманаха журнала «Искание» Женского педагогического института

Глава 2

С Владимиром Лиля познакомилась случайно. Вернулась как-то из библиотеки, а в комнате, которую они делили вместе с однокурсницей, сидит симпатичный парень. Он и тогда уже вертел девками, как хотел, благо эти дурочки сами вешались на шею молоденькому смазливому курсанту. Что привлекло в скромной девушке этого прощельгу, кто знает, но стал за ней ухаживать. Вначале думал за букет цветов и шоколадку уговорит, а когда получил решительный отпор, не понял, привык к легким победам.

Владимир заканчивал обучение в военно-музыкальном училище, и уже рассчитывал остаться в Москве, надеясь на протекцию папаши, высокопоставленного военного специалиста, да так получилось, что перед самым выпуском, он с парой таких же хватов, решил поразвлечься. Пошли в ресторан, лишку выпили и подрались из-за какой-то певички. Комендатура забрала драчунов, а девица, вызнав про Вовкиного родителя, решила шантажом потешиться. Она была на первых месяцах беременности от патлатого бас-гитариста, но объявила, что ребенок Вовкин. Так как папа знал, про «веселый» характер сына, он версию певички сомнению не подверг, откупился деньгами, а шкодливого сыночка отправил на Урал в гарнизон. «Понюхает полевого дерьма, одумается, поскудник!» Рассерженный сын решил перед отъездом насолить родителю, отвел Лилю в Загс.

Девушке Вовка понравился с первого взгляда. Она не догадывалась о его гадостях и коварствах. Ее переполняли счастье и любовь. Откуда ей было знать, что Вовка, переспав с ней первую брачную ночь, пришел утром к отцу, бросил на стол свидетельство о браке.

– Тебе плохо было, что я с девочками играю, вот тебе и невестка. Официальная, заметь. Конечно, не вашего круга, не из бомонда. Увы! – театрално развел руками. – Из деревни. Но думаю, вы с матерью теперь имеете возможность похвастать перед друзьями оригинальностью единственного сына. Не желаете пересудов МарьИвановн? Заберите из общежития, приоденьте, отмойте. Приведете в надлежащий вид, научите мужа ублажать, привезете. Я поехал служить. Честь имею! – Иронично козырнул, щелкнул каблуками и строевым шагом вышел из кабинета отца.

– Честь имеет? Это он честь имеет? А все твоё воспитание! Это все ты, ты! Вырастила подонка! – Накинулся отец на мать.

В тот же день пьяного Вовку друзья внесли в вагон. Лилия бежала с ними рядом и, чуть не рыдая, лепетала:

– Вовочка, как же так? Надо было заранее сказать, я бы академический взяла и с тобой вместе поехала.

Когда Вовку уложили на вагонную полку, он приоткрыл глаза и заплетающим языком спросил:

– Ты кто?

– Лилия я, Лилия, жена твоя.

– Жена? Я что, женат? – он расхохотался. – Ты знаешь, кто я? Я – дирижер, я – артист! У артистов жен нет, – и, откинувшись на подушку, захрапел.

Так и уехал не попрощавшись. Лилия очень переживала о муже, бегала к комендантше справиться, нет ли письма. Однокурсницы, побывавшие в руках Вовчика, вначале злились, что увела такого перспективного жениха, но увидев ее душевные терзания, стали жалеть девушку.

– Ты особо не переживай, доедет, устроится, напишет.

Однако писем не было. Через пару недель приехали его родители.

Девчонки разбежались кто куда, в комнате тихо, и никто не мешает работать. Лилия разложила книги и подсобный материал на столе, писала реферат. Вдруг без стука распахнулась

дверь, в комнату вошла пара: высокий, солидный генерал и красивая, модно одетая женщина. Лиля с удивлением посмотрела на них, не часто в общежитие заглядывали такие гости.

– Так, – вызывающе сказала женщина, приблизившись к столу. – Значит, ты и есть Лилия Костромина?

– Да, я – Лилия Костромина.

Женщина выдвинула стул и уселась напротив девушки.

– Ну, рассказывай!

– Что рассказывать? – ничего не понимая, смутилась девушка.

– Ты глянь, Боренька, она не знает что рассказывать? – с какой-то злой иронией произнесла женщина, обращаясь к мужу, но в упор, рассматривая девушку. – Ты расскажи, как нашего мальчика в постель затащила?

– Я? Я никого никуда не затащивала!

– Ха, ты глянь на нее! Невинная овечка! А это что? – и женщина швырнула в лицо девушки свидетельство о браке.

– Ой! Как оно у вас оказалось? Я думала, Володя его увез. А вы кто?

– Как это кто? Мы родители мальчика. А вот ты кто?

– Вы Володины родители! Вы вернулись? Он так вас ждал! Он очень переживал, что папу не отпустили, и все надеялся, что вы успеете приехать на регистрацию.

– Что? – у женщины поползли брови вверх. – Какая наглость!

– Остановись, Мария! – строго сказал до этого времени молчавший генерал. – Так вы говорите, что он нас ждал?

– Да, правда, правда! Он, даже когда мы в Загс приехали, оставил ребят у подъезда, чтобы сразу же предупредили, о вашем прибытии.

– Ребят оставил у входа, значит, – задумчиво произнес мужчина.

– Что ты лепечешь? Откуда мы должны были приехать? Что за глупости?

– Помолчи, Марья! – резко остановил жену генерал. – Разрешите просесть? – и, не дожидаясь ответа, присел на стул, стоящий рядом с Лилей. – Скажите, девушка, а вы давно этого типа знаете?

– Кого? Володю? Это вы зря так на него. Володя очень хороший! Он честный! Он знаете какой!

– Да? – теперь в голосе генерала звучала нотка иронии. – Вот уж не думал. Знаю, девочка, знаю. Уж я-то знаю, какой он хороший. Закрой рот, Маня! – резко и грубо остановил он жену, которая явно хотела что-то сказать.

В комнате повисла зловещая тишина. Женщина достала из ридикюля надушенный платочек и театрально приложила к сухим глазам. Лиля удивленно переводила взгляд с одного на другого, ничего не понимая. Генерал, барабанил пальцами какую-то дробь и угрюмо смотрел в окно.

– Так, значит, ждал нас. А вы, наверно, не хотели идти в Загс без благословения родителей?

– Не хотела. Без разрешения родителей нельзя, счастья не будет. Но вы написали письмо и благословили нас.

– Я написал?!

– Да! И мама подписалась! Хотите, я вам покажу, оно у меня? – метнулась Лиля к своему чемоданчику. – Вот оно.

Она протянула конверт с письмом генералу. Тот внимательно осмотрел вначале конверт, затем вытащил листок с текстом.

– Читай, Марья. Тут и твоя подпись стоит, – он иронично взглянул на жену. – А ваши родители были на свадьбе?

– Нет. У меня родители погибли, когда мне было три годика, меня бабушка воспитывала, но и она умерла. Мы вам писали об этом.

– Какое вранье! Разве ты не видишь, она все врет! – взвизгнула женщина, прочитав письмо и резко скомкав его.

– Не смей! – генерал стукнул кулаком по столу, да так, что ручки и карандаши подпрыгнули. – Верни письмо! Я кому сказал: верни письмо!

Женщина покорно отдала скомканный листок, он аккуратно его разгладил и положил в конверт. В это время дверь распахнулась, в комнату влетела Лилина соседка по комнате.

– Лилька, пляши! Тебе письмо от Вовчика пришло! – она резко становилась, увидев чужих людей. – Здравсте. А вы к нам в гости? Вы к Лиле?

– Здравствуйте, – повернулся к девушке генерал. – Вы девушке письмо отдайте, ждет ведь.

– Еще бы. Наконец-то разродился весточкой! Она все глаза выплакала! – подружка протянула конверт Лиле.

Девушке очень хотелось сию же минуту прочитать, что там написано, но ее воспитание и природная сдержанность не позволяли.

– Что же вы, читайте! Все-таки от мужа весть пришла. Или неинтересно? – генерал, прищурясь, посмотрел на смущенную девушку.

Лиля дрожащими руками вскрыла конверт, из которого выпал маленький листочек.

«Лилек, привет! Доехал, живу в общежитии. Тоска страшная. Вышли свидетельство о браке, хочу получить квартиру. Владимир».

У Лили запершило в горле. Она смотрела на этот маленький листочек с вкось написанными словами и чувствовала, что еще немного и не выдержит, заревет белугой. «Не реви попусту!» – всплыли в памяти бабушкины слова. Девушка глубоко вдохнула, задержала на мгновение дыхание и, уже спокойнее, выдохнула.

– Что пишет молодой муж? – генерал протянул руку, но девушка быстро спрятала письмо за спину.

– Это, извините, мне написано.

– А вы, вообще-то, кто такие? Что вы делаете в нашей комнате? Почему тут распорядитесь? – вступилась за девушку подружка.

– Да будет вам известно, девушка, мы родители Володи, – визжащим голосом вдруг заговорила женщина, видимо уставшая, молчать.

– Ах, вот как! Вы родители этого негодяя! И что вам здесь понадобилось? Вы пришли оскорблять Лиле? А ну, вон отсюда! Быстренько, быстренько пошли отсюда, иначе я кликну мальчиков, и они вас вынесут.

– Боря! Что за хамство! И ты позволяешь этим... этим... – женщина задохнулась от злобы. – Как ты можешь, Боря!

– Замолчи! Вы правы, девушка. Мы уходим! – генерал тяжело поднялся из-за стола.

Лиля обессилено упала на свою кровать, едва за ними закрылась дверь. Нет, она не билась в истерику, не плакала, не причитала. Свернувшись калачиком, тихо лежала, отвернувшись к стенке, ее бил мелкий озноб.

– Лиль? Лиличка, ты чего это? – подружка осторожно присела рядом. – Обидели они тебя? А ты плюнь на них. На всех. Тебе холодно? Давай я тебя укурю. Лиль, не молчи, прошу тебя! Поплачь чуток, легче будет.

Но девушка лежала безучастная ко всему окружающему. Постепенно в комнату собрались другие однокурсницы. Устроившись за столом, они тихо переговаривались, словно в комнате находился тяжело больной человек.

– Что делать, что делать? Она уже третий час ни разу не шелохнулась, – волновалась Ниночка, соседка по комнате.

- Что ты сделаешь? Пусть отлежится, пройдет.
- Пройдет? Ее вон как колотит. Хорошо, что я вовремя вернулась и выгнала этих хамов!
- Мы, девчонки, тоже перед ней виноваты. Знали, что Вовчик подлец, а молчали. Надо было сразу рассказать какой он.
- Ты Лильку не знаешь. Она если влюбилась, то на всю жизнь.
- Надо было рассказать, чтобы не влюблялась.
- Да она в него с первого взгляда втюрилась.
- Вот дуреха! Кто же знал. Он её и в Загс повел.
- А, что ему этот Загс! Бумажкой больше, бумажкой меньше. Уехал и ни слуху, ни духу.
- Не скажи. Сегодня письмо прислал.
- Да ладно тебе!
- Ей-ей! Папаша хотел забрать его, но Лилька, молодчина, не дала. Говорит, это мне муж прислал, не вам.
- Так и сказала?
- Ага!
- Умница! Будут знать наших!

Неделю Лиля провалялась в постели. Девчонки не знали, как подступиться и что сказать, сделать, чтобы вывести ее из этого ступора. Но однажды их терпению пришел конец. Вернувшись с занятий, они собрались в комнате, о чем-то пошептались.

– Так, подружка, – сдернув с Лили одеяло, решительно сказала Ниночка. – Если ты сию минуту не встанешь и не отправишься в душ, я сама лично приглашу сюда Витьку с Колькой, и мы отнесем тебя на руках. Вы посмотрите на нее! От нее уже только тень осталась! А ну, подъем! Считаем до трех! – И девочки хором стали отсчитывать.

Решительные лица подружек, угроза Ниночки или что-то еще, но Лиля поднялась. Обрадованные девчонки, опасаясь, чтобы она не упала, отвели ее в душевую. Стоя под теплыми потоками воды, девушка заплакала, впервые за все это время. Шумел душ, лилась вода и текли по худым, бледным щекам соленые слезы. Подружки, стояли под дверью душевой, слушали рыдания, но, ни одна из них, не решилась войти.

Умытая слезами и душем, Лиля вышла из кабинки и слабо улыбнулась.

– Я больше не буду. Спасибо вам.

С этого дня отношения с однокурсниками изменились. И хотя она все также засиживалась за книгами, и не бегала по танцуйкам, но уже не чувствовала себя одинокой среди людей.

Глава 3

Лиля вышла на преддипломную практику, когда вновь пришел отец Вовчика. Вежливо постучавшись и испросив разрешения, он вошел комнату.

– Не выгоните, девочки? Я тут по дороге торт прикупил. Может, чайку попьем?

– Ну, ежели вы с тортиком, то мы и чаек поставим. Нам жареной воды не жалко. Правда, Лиля? – Ниночка настороженно взглянула на подружку.

– Входите, Борис Николаевич, – улыбнулась Лиля.

Генерал присел на стул и осторожно огляделся.

– У вас тут не плохо, и даже уютно. Вы в этой комнате все годы учебы провели?

– Да. Мне сразу дали место в общежитии. Я не москвичка, из деревни приехала.

– Скажите Лиля, а вы своих родителей совсем не помните?

– Нет. Они меня не воспитывали. Мама уехала к папе сразу же после родов. Меня воспитали дедушка с бабушкой.

– А дедушку вы помните?

– Смутно. Я была очень мала, когда все произошло, и он умер.

– А что именно произошло, вам бабушка рассказывала?

– Так. Хватит устраивать допрос! Вы пришли чай пить или как? – вмешалась в разговор Ниночка, которая незаметно вошла с кипящим чайником.

– Вас, милая девушка, родители не учили, что подслушивать неприлично? – обернулся к ней Борис Николаевич.

– Допустим, я не подслушивала. Вошла, а вы здесь устроили пыточную моей подруге. Коль пришли в гости, то и ведите себя, как гость. Вам чай крепкий или так, забеленную водичку?

– Покрепче, пожалуйста. Допустим, никакую пытку я не устраивал, мы с моей невесткой немного знакомимся. Могу я узнать кто моя родственница?

– Ох, так и узнать? Думаю, вы все давно знаете. От ваших вопросиков не ней лица нет.

– Что ж она такая слабенькая? Или испугалась чего?

– А вы что, Змей Горыныч или супостат? Чего ей вас бояться? Мы ее в обиду не дадим!

– Да, Лиля, повезло вам в жизни! Подруга у вас боевая, – перевел разговор в шутку мужчина, пододвигая к себе стакан с чаем.

Торт действительно оказался вкусным и постепенно разговор перешел на общие темы.

– Лиля, вы знаете, что ваш дедушка был известным физиком?

– Знаю. Мне бабушка рассказывала. У нас дома его книги есть.

– Лилька, твой дедушка был физиком? И ты молчала.

– А надо было кричать? – пожал плечами девушка.

– О, Ниночка, я вам еще и не это расскажу, – обрадовался Борис Николаевич любопытной слушательнице. – Вот вы, защитница, сколько лет прожили с подружкой в одной комнате?

– Скоро будет пять лет.

– Пять лет, – передразнил девушку мужчина. – А что о ней знаете? Ни-че-го. Знаете ли вы, милая забияка, что дед вашей подруги этот же университет окончил когда-то на «отлично»! И преподавал здесь же! Здесь его в профессора посвятили! А бабушка, между прочим, у нее неплохая поэтесса! Книги для детей писала! А вы Лиля об этом знает?

– Знаю.

– Лилька, и ты молчишь? У тебя такие предки, а ты?

– А я пока ничего такого в жизни не сделала. Мне еще гордиться нечем.

– А про родителей...

– Нет, – резко оборвала мужчину Лиля. – Про родителей я ничего не знаю. И прошу вас прекратить этот экскурс в историю моей семьи. Это мои родные, они достойно прожили свою жизнь, – она сделала акцент на слове «мои». – Это их жизнь. Моя только начинается. Я еще ничем не заслужила ни похвалы, ни почести, – присутствующие переглянулись, никто из них не ожидал такого выпада от этой застенчивой девушки.

– Дорогие хозяева, не надоел ли вам гость? – решил сгладить возникшее напряжение Борис Николаевич. – Засиделся я у вас, девушки, пора и честь знать. Спасибо за чаек. Лиля, вы извините старика за назойливость, но позвольте изредка бывать.

– И вы простите меня за резкость, – засмушалась девушка. – Я была рада с вами пообщаться.

– Ой, а ежели с тортиком, так завсегда, пожалуйста, – улыбнулась Ниночка. – А уж кипяточку мы нальем.

– Знаю, знаю. «Жареная» вода у вас бесплатно выдается.

Когда за мужчиной закрылась дверь, Нина набросилась на Лилю с расспросами.

– Ну, подружка, колись, из чьего ты роду-племени? Мы тут рыдаем над ее убогим сиротством.

– А вы не рыдайте.

Чем бы эта полемика закончилась, кто знает, но в это время распахнулась дверь и однокурсницы, изнемогающие от любопытства, гурьбой ввалились в комнату.

– Он тебя не обидел? Он гадости не наговорил? О чем вы так долго болтали? – Любопытству подружек не было предела.

– Ага! Ее обидишь, – громко ответила Нина, не дав раскрыть рот Лиле. – Знаете как она его только что отшила? Он про родителей спросил, так она ему в ответ: это мои родные и не ваше свинячье дело, до наших пороссячьих интересов.

– Что, так и сказала? Ну, молодец! Пусть со своим Вовочкой не носятся как с писаной торбой! Ты не хуже его! – загалдели девчонки.

– Не так все было, – попыталась оправдаться Лиля, но тут кто-то увидел остатки торта.

– Ой, девочки, у них торт, а они молчат. Ленка, гони за кипятком, там баба Варя титан вскипятила, Валюшка, у тебя варенье было!

Все засуетились, весело зашумели и через пару минут стол был уставлен скромными студенческими яствами. Девчонки пили чай и рассуждали о жизни, о судьбе, мечтали о будущем. Вечером, засыпая, Лиля подумала, как хорошо, что у нее есть такие друзья. Вспоминать о разговоре с Борисом Николаевичем она не хотела, ей было неприятно, что родители Вовочки без разрешения копались в истории ее жизни, жизни ее бабушки и дедушки, ее родителей. «Никогда не положи чужое белье. В своей жизни уголки отмой», – вспомнила она наказ бабушки.

С этого памятного вечера Вовочкин отец стал часто заезжать в общежитие. Однажды, ближе к Новому году он приехал вместе с женой. Вернее, в комнату он пришел один. Лиля готовилась к семинару, ей явно было не до гостей.

– Лиля, быстро одевайтесь и поедem! – поздоровавшись, приказал Борис Николаевич. – Мария Антоновна ждет нас в машине.

– Извините, я не могу. У меня через неделю семинар.

– Через три дня прилетает ваш муж! Неужели вы желаете, чтобы он представил вас нашим друзьям вот такой замарашкой! Не капризничайте. Мария Антоновна с трудом выбрала свободное время и решила свозить вас в магазины. Ну-ну. Не волнуйтесь так, – успокоил он, увидев, как краска отлила о лица девушки. – Вам придется когда-то искать общий язык с матерью мужа, если вы собираетесь вместе с ним идти по жизни. Все-таки она мать и ничего плохого не сделает.

– Но у меня есть выходное платье.

– Отставить разговоры! Одевайтесь, я жду вас в коридоре.

Глава 4

Эта поездка была для девушки очередной пыткой. Машина мягко подкатила к служебному входу в ЦУМ. Борис Николаевич повел жену в магазин, придерживая под локоток, а Лиля, как инородное тело, поплелась за ними. Едва они перешагнули порог, тут же подбежал какой-то пухлый мужичок.

– Мария Антоновна, вы сегодня с супругом. Рад, рад! Прошу вас! – лепетал он, захлебываясь от собственной лести. – У нас как раз новые поступления из Франции.

– Мишель, сегодня меня Франция не интересует, – войдя в большую залу и вальяжно расположившись в кресле, томно произнесла дама. – Надеюсь, Мишель, ты умеешь хранить тайны?

– Конечно, конечно! Иначе я здесь никогда бы не работал, – лукаво улыбнулся Мишель.

– Я знаю, дорогой! Вот видишь девицу? – дама небрежно махнула перчаткой в сторону Лили. – Это, к сожалению, наша дальняя родственница. Нельзя ли полностью подобрать для нее приличный гардероб.

– Как же-с! С превеликим удовольствием! Вы сказали весь гардероб?

– Мишель, разве ты туг на ухо? Весь, от тапочек до трусиков. И пожалуйста, девчонок своих пришли, таких, чтобы язык за зубами держали.

– О чем вы говорите, Мария Антоновна, голубушка! Все будет сделано в лучших традициях. А на сколько смен и в каком качестве, позвольте спросить?

– Пока на недельку хватит. А качество не из двухсотого, конечно, поскромнее. Болгария, можно Германии добавить для разнообразия. У меня сын приезжает. Ты знаешь, мальчик утонченный, дирижер. Гости соберутся. Мы с Борисом Николаевичем отъедем, а ты тут распорядись.

И они «отплыли», даже не взглянув на Лилию, которая пунцовая и растерянная стояла у двери. Проводив их, Мишель почти мгновенно появился рядом с девушкой.

– Ну-с, и как нас зовут, милая?

– Меня зовут Лилия, – девушка старалась сдержать свое раздражение, человек не виноват, что у Вовочки такая мамаша.

– Фигурка у вас не плохая, думаю, что мы управимся быстро. – Мишель позвонил кому-то по телефону и отдал распоряжение. Через пару минут вошла большая, грузная женщина.

– Звали, Михаил Иванович?

– Люсенька, эта милая испуганная девочка Лилия – родственница Соколовской. Наша с тобой задача одеть ее с ног до головы в соответствии с положением.

– Ну, ты даешь, Михаил Иванович! Этой генеральше угодить, что льва накормить.

– Люся! – одернул Мишель женщину. – Бери девушку и ступай, работай! И поменьше слов, пожалуйста. Я тебя очень прошу!

– Ухожу, ухожу. Я вообще, если хотите, ни слова не скажу! Просить будете.

– Люся!

– Уже ушла. Пойдемте, дорогая.

И Люся, покачивая своими округлыми бедрами, гордо подняв голову, удалилась по коридору. Девушка шла за ней, и настроение ее почему-то с каждым шагом становилось все веселее и веселее.

Коридор плавно свернул влево, они шли мимо слегка приоткрытых дверей. Возле некоторых Люся останавливалась и, просунув голову в отдел, вызывала того или иного продавца.

– Гришенька, иди-к сюда. Глянь на девушку. Размерчик видишь? Подбери семёрочку. Да, еще парочку на выбор не забудь, чтобы не бегать лишку. Соколовской родственница, сам понимаешь.

Гриша выходил из своего отдела, внимательно окидывал девушку опытным взглядом.

– Будет сделано, Людмила Павловна, не сомневайтесь.

И они шли дальше, к следующей двери. Вот так от двери до двери добрались до небольшой, но прилично обустроенной комнаты, в одном углу которой стояли уютные дорогие кресла с маленьким журнальным столиком, в противоположном углу, от пола до потолка застекленном зеркалами, был устроен маленький подиум.

– Проходите, проходите, дорогая! Дайте-ка, я на вас внимательно погляжу, – пропела Люся, щелкая выключателем.

Вся комната осветилась мягким светом, который лился с потолка, от стен, отражался в зеркалах, создавая впечатление яркого солнечного дня. Лиля даже зажмурилась от неожиданности. Люся обошла вокруг девушки.

– Так, – задумчиво произнесла она, спустя какое-то мгновение. – Еще к шику не привыкла. И кем же ты приходишься Соколовским? – Лиля пожала плечами. – Понятно. А что им, детка, от тебя надо?

– Они меня своим гостям хотят представить.

– Во как! А в качестве кого, ты знаешь? – Лиля опять отрицательно помотала головой. – Н-да. Как же ты влипла-то в их сети? Ну, что поделаешь? Попробуем сделать из тебя куколку, пусть облизнутся, – Люся прошла к столу, скромно приткнувшись у окна, и сняла трубку. – Дашенька? Зайди ко мне, пожалуйста. Дело срочное есть. Жду, дорогая.

С первого шага по длинному коридору Лиля почувствовала расположение к этой женщине. Ее плавная походка, ее воркующий голос, ее манера разговаривать с подчиненными – все вызывало чувство какой-то радости, праздничности. И сейчас, оставшись один на один с Люсей в кабинете, она едва сдерживалась, чтобы не уткнуться в большую грудь женщины и не рассказать ей, как мамке, обо всем, что мучило в последнее время. Рассказать об оскорбительном молчании Вовочки, о своей поруганной первой любви, о пренебрежении его родителей. Душой она чувствовала, что Люся поймет и ее боль, и ее радость, и ее сомнения. Поймет и утешит, приголубит, даст нужный совет. Откуда пришла такая уверенность и почему, девушка не знала.

– Садись, кофейком побалуемся, пока эти все набегут, – пригласила Люся. – Ты откуда приехала?

– Мы с бабушкой в Марьином ручье жили, в Калининской области.

– А в Москву чего приехала? Бабушка старенькая?

– Бабушка умерла, когда я школу окончила. Я в университет приехала учиться после ее ухода.

– Вона как. Поступила в университет?

– Уже заканчиваю. Сейчас на преддипломной практике.

– Молодец! – откровенно восхитилась Люся. – Неужто сама, без протекции, поступила и учишься?

– Сама, – кивнула головой Лиля. – Некому протекции делать.

В это время в дверь постучали, и вошла высокая, миловидная девушка, а за ней парень внес объемный чемоданчик.

– Вызывали, Людмила Павловна, – улыбнулась приветливо девушка. – И я тут как тут.

Расцеловавшись с девушкой, Люся представила ей Лилю.

– Дашенька, вот из этой умной девчушки надо не только сделать французскую красотку, но и научить ее нашим, бабским премудростям. Никто, кроме тебя, моя дорогая, этого ни делает, – заметив ироничный взгляд, каким Дарья окинула Лилю, женщина нахмурилась. – Вижу, вижу, что тут все запущено. Но у девочки никого нет. Ее бабушка воспитывала. А ты, Дарья, своими золотыми ручками из нее куколку сделай, да так, чтобы эта Соколовская подавилась собственной завистью. Знать бы детка, зачем ты им понадобилась?

– Для вас, Людмила Павловна, мы и из верблюда Алэн Делона сделаем, – успокоила Даша.

Через пару минут Лиля оказалась в небольшой, но хорошо оборудованной туалетной комнате, которая располагалась рядом с кабинетом Люси. Здесь стояла огромная ванна, туалетный столик с трехстворчатым зеркалом и крутящимся креслом, кушетка, аккуратно застеленная белой простыней и прочая необходимая утварь в виде пуфиков, ковриков, баночек, расчесок, тазиков. Даша налила в ванну теплой воды, плеснула какой-то жидкости, отчего воздух наполнился приятным ароматом, и приказала Лиле забираться и «отмокать пока». Сама она принялась разбирать свой чемодан. По тому, как она передвигалась по комнате, как расставляла всякие баночки, скляночки, щипчики, чувствовалось, что все это для нее не впервые. Окончив расстановку инструментов, она уложила Лилю на кушетку, и принялась растирать хрупкое тело девушки пахучими маслами. Руки у Даши были теплыми и приятными.

Пенная ванна, приятный аромат кремов и расслабляющий массаж действовали успокаивающе, клонили в сон. Растерев Лилю от головы до пят, девушка укутала ее в теплый махровый халат и усадила возле туалетного столика.

– Сделаем мы из тебя, дорогуша, Мари Митю, – торжественно сообщила мастерица, и решительно взялась за ножницы.

– Кого, кого? – не поняла Лиля.

– Ну, эту, французскую певичку, что недавно приезжала. Что тут творилось, ты бы видела! Народ ошалел. У меня руки отваливались всех под нее делать.

– А, это вы про Мирей Матьё говорите, – догадалась Лиля. – Хорошая артистка, и голос у нее красивый, и песни поет чудесные.

– А ты откуда знаешь?

– Мы с девчонками ходили. Места, правда, на галерке были, видно плохо, но слышно отлично!

– Голос как голос, – разочаровано произнесла Даша. – А песни все иностранные, непонятные. Не то, что Карл Готт. Он хоть и иностранец, плохо слова выговаривает, но русские песни поет, понятные, Ну вот, смотри какая куколка вышла. Вылитая Миреюшка!

Лиля глянула в зеркало и обомлела, на нее смотрела совершенно чужая, незнакомая девушка.

– Ой, а как же я теперь? – Она растеряно провела рукой по коротким волосам.

– Ничего. Тебе так лучше, – уверенно проговорила мастерица. – Давай краситься будем.

– Нет, нет! Ничего красить не надо! – В глазах девушки появились слезы.

– Ты чего это, чего? Тебе так хорошо! Не понравилось, больше не будешь стричься. Волосы не голова – отрастут, не заметишь.

В это время, словно что-то почувствовав, в комнату заглянула Люся.

– Ой, батюшки! – всплеснула она руками. – Какая ж ты хорошенькая! Так, Даша, быстренько наноси легкий майкап, и отпускай девочку, там уже все готово и скоро эти приедут. Быстрее, девочки, быстрее!

– Приедут – подождут! Не баре! Мне ребенку объяснит надо, как дома все делать. Несите сюда белье, не пойдет же она голая.

Спустя пару минут, в комнату вкатили длинную вешалку всю увешанную различными женскими вещичками и началась «карусель», как сказала Даша. Две взрослые женщины быстро надевали на Лилю вещи, и, оглядев со всех сторон, повертев как куклу, выносили свой вердикт: «Нет, не ее». Вещь тут же снималась и уносилась из комнаты. Или: «Это шик!» И тогда платье, кофточка, трусики или еще какая часть женского гардероба аккуратно вешалась на вешалку. Все это делалось так быстро, что Лиля не успевала даже посмотреть на себя в зеркало, а лишь тупо выполняла требования женщин: одеть, поднять руку, поднять ногу, повернуться, присесть, снять! Наконец все вещи были перемерены, лишнее унесено, а необходимое аккуратно, в нужной для демонстрации последовательности, развешано на вешалке.

– Ну, девоньки, управились, молодцы. У нас еще время есть чаек попить. Кто с чем будет? Вот печенюшки, вот конфетки.

– Когда, Павловна, заказчик придет?

– Да через минут пятнадцать. Лиля, детка, накинь халатик, и не стесняйся, пойдем с нами, почаевичаем.

Соколовские приехали не через пятнадцать минут, а через час. Лиля хотела уйти, не дожидаясь конца комедии, как про себя окрестила всю эту возню, но она прекрасно понимала, что за ее капризы придется ответить Люсе, а подводить эту женщину она не хотела.

Предупредив всех, чтобы «бегом бежали» к ней, как только придет заказчик, Люся занялась своей повседневной работой. В комнате постоянно раздавались телефонные звонки, кто-то что-то у нее спрашивал, а она, называя всех «дорогушечка», давала советы, перебирала бумаги, одни подшивала в огромные папки, другие стопкой складывала на столе, что-то подписывала. Чтобы Лиля не скучала, женщина подала девушке модные французские журналы.

– На, посмотри. Они хоть и не на русском языке, да картинки красивые.

– Ой, это настоящие французские журналы! – обрадовалась Лиля.

– А ты что, умеешь читать по-французски?

– Умею. Бабушка говорила, что это у меня мамины гены работают. Ей языки хорошо давались, и это помогало в общении с разными людьми.

Тонкие дуги выщипанных Люсиных бровей поползли вверх.

– Так это мама тебя французскому выучила?

– Нет. Мне было три годика, когда ее и папу убили.

– Да ты что! Так это с трех лет тебя бабушка одна воспитывала? Бедная девочка, и матери не помнишь?

– Не помню.

В это время затрезвонил телефон и Люсин знакомый сообщил, что подъехали Соколовские. Женщины быстро одели Лилю, и выпихнули в кабинет, где в креслах расположились родители Вовчика.

– А вот и ваша девочка. Проходи, детка, не стесняйся, – Люся подошла к растерявшейся девушке, и тихонько шепнула. – Повертись, повертись перед зеркалами, пусть увидят, какая ты у нас красивая!

– Фу, деревня! Двух шагов сделать не может! – Соколовская скривила губки. – Как ни одень, все равно пень!

– Что вы такое говорите? – вступилась за девушку Люся. – Растерялась девочка. Обстановка чужая, непривычная!

– Действительно, Мария Антоновна, не будьте так строги! Девочка сейчас освоится. Посмотрите, как она хорошо подстрижена! Как будто с обложки журнала сошла!

– Оставьте комплименты, Мишель! Деревня – она и есть деревня! Показывайте другой комплект, право слово, некогда здесь расслаживаться, – небрежно махнула ручкой мамаша.

И вот тут-то у Лили, как говорила бабушка, вдруг «чертик форточку открыл», все внутри перевернулось и возмутилось. Кто дал право этой напыщенной бабе, которая оторвала такую массу времени, у этих людей, ерничать и оскорблять всех присутствующих! Кто она такая? По какому праву вмешивается в ее, Лилину жизнь? Сейчас она ей покажет деревенщину, сейчас! Дрожащими руками Лиля помогла женщинам одеть ее и, когда дверь распахнулась, таким шагом пошла по ковровой дорожке, что у всех присутствующих вытянулись лица от неожиданности. Плечи расправлены, голова гордо откинута назад, шаг пружинистый и легкий, движения подобны ленивой пантеры!

– Хороша! Истинный Бог, хороша! – Не выдержал Мишель, когда девушка демонстрировала последнее платье.

– Так. Все упаковать и доставить. – Соколовская встала. – Ты что сидишь, Борис Николаевич, мы опаздываем!

– Девочка еще не переделась, необходимо подождать.

– Мы опаздываем! Сколько она там будет копать! Доберется на метро.

– Я обещал ее привезти обратно.

– Как желаешь. Я жду в машине, здесь душно, – Соколовская вышла из комнаты.

Смущенные выходкой заказчицы, женщины торопливо помогли Лиле переодеться.

– Девочка моя, – шепнула Люся, что-то сунув ей в карман пальтишка. – Там мой телефон и адрес. Если что – позвони. Ты молодец! – Она незаметно чмокнула Лилию в щечку. – Счастья тебе, девочка.

– Благодарю, – так же тихо ответила ей девушка.

Всю обратную дорогу никто не проронил ни слова. Когда машина остановилась у подъезда общежития, Борис Николаевич вышел первым, открыл дверцу, помог выти девушке. Уже стоя на ступеньке лестницы, Лиля, не поворачивая головы, спросила о дате приезда Володи.

– Мы придем за вами машину, когда он приедет, – ответил мужчина.

– Вот как? Простите, а дату приезда Вы не соизволите сообщить?

– Но...

– Понятно. Машину присылать нет необходимости. Я ни куда ехать не собираюсь, – из последних сил стараясь сохранить спокойствие, отпарировала девушка.

– Как это? Все уже оповещены. Соберется масса друзей. Мы готовы всем огласить о вашем с Владимиром бракосочетании.

– Извините, но мой муж ничего мне об этом не говорил. Я – не поеду!

Упрямо наклонив голову, она ушла вверх по лестнице, а генерал остался стоять внизу, с изумлением, злостью и восхищением глядя ей вслед. После всего произошедшего он понимал, что переломить эту женщину-подростка не сумеет. «Да, порода...» – задумчиво пробормотал и вышел.

Глава 5

Едва Лиля вошла в комнату, как силы покинули ее и если бы не помощь девочек, которые вечерком собрались, чтобы поделиться дневными новостями, она рухнула бы прямо у порога.

– Лилька, что с тобой? – первой бросилась к ней Ниночка, которая с того памятного вечера сердцем привязалась к девушке и все ее беды принимала как свои собственные. – Да на тебе лица нет! Пойдем, пойдем в постельку. Верочка, сделай чайку свеженького. Катюш, помоги ее раздеть. Вот так, хорошая моя, осторожно. Приляг, сейчас чайку попьем, легче будет.

Ниночка осторожно уложила девушку в постель. Девчонки настороженно смотрели на них.

– Нин, может скорую вызвать?

– Нет, не надо скорую вызывать. Спасибо вам. Все нормально. Ноги не держат. Сейчас все пройдет.

– Видите, она говорит, значит все нормально. – Успокаивающе обратилась Нина к подружкам. – А я смотрю, ты куда-то убежала, даже книжки свои не закрыла. Спросила комендантшу, говорит, за тобой генерал приезжал, но без формы. Я решила, что ты с ним уехала. Так, не бледней, не надо. Опять они тебя довели. Ну, я ему покажу! – Ниночка воинственно погрозила своим маленьким кулачком.

– Нин, чай готов. Нам остаться или как? – робко спросила Верочка, маленькая, неприметная девушка, с которой никто не хотел дружить, несмотря на ее стремление всем быть любезной.

– Девочки, не уходите, пожалуйста. Я уже хорошо себя чувствую. Сейчас встану и будем пить чай. Ниночка, достань в тумбочке конфеты и печенье.

Все опять загалдели, засуетились. Лиля осторожно поднялась и присела к столу.

– Ой, девчонки, что я вам сейчас расскажу! – и, удивляясь собственной откровенности, она в мельчайших подробностях стала рассказывать обо всем, что с ней произошло в ЦУМе. Девчонки слушали и лишь изредка уточняли ту или иную деталь.

– А как платье скроено? А цвет кофточки какой? А шарфик газовый?

Когда Лиля закончила свое повествование, все затихли и с изумлением смотрели на нее.

– И ты отказалась ехать к ним?

– Отказалась.

– Во дает, наша тихоня!

– Ой, девочки. Это неразумно, – робко сказала Верочка.

– Что – неразумно? Послать все к чертям и остаться Человеком? Это ты считаешь неразумным? – вскинулись девчонки на Верочку.

– Знаете ли, там все-таки общество. Это люди не простые, и они могут сделать так, что Лилька будет всю жизнь, как сыр в масле кататься!

– Ага, кататься! Всю жизнь им жопу подтирать! Правильно Лилька поступила!

– Ну и что? Что она наделала со своей гордостью? Вовчик ее бросит, и будет она всю жизнь щипать лаптем хлебать! Хорошо, если сейчас, когда детей не наделал, а если с детьми бросит? В семью к таким людям не всем везет попасть.

– О, да! Ты свое не упустила бы.

– А зачем свое упускать? Свое держать надо.

– Слушай, Верка, Иди-ка ты спать! – возмутилась самая старшая из всех, Оксана, которая в прошлом году скоропалительно вышла замуж за москвича, а через пару месяцев также поспешно развелась и вернулась в общежитие. – Давай, давай! Топай отсюда со своими советами.

Обсудив все, девушки пришли к выводу, что Лиля поступила правильно.

– Но что ты будешь делать, если Вовочка приедет?

– Вовочка мой муж. Как он решит, так и будет.

– Да? Он уже нарешал. Забыла, как он тебя обманул? Сказал, что родители в отъезде, а они в Москве ни слухом, ни духом о его проказах не знали?

– Нет, Оксана, ты не права, – вступилась за Вовчика Ниночка. – Он специально это сделал. Знал, что Лилька не поддастся уговорам без штампа в паспорте, а родители никогда не разрешат ему на ней жениться. Мы когда с ним этот вопрос обсуждали, он говорил.

– Что говорил?

– Говорил, что его родители снобы и никогда не позволят привести в дом девушку не их круга. Что они ищут ему богатую и чтобы родители ее занимали высокий пост.

– Так чего ж ты Лильке, когда он ее охмурил, ничего не сказала?

– Во-первых, мы с Лилей тогда не дружили. И это она отбила его у меня. Прости, Лилия, я зла не держу.

– Да никто никого не отбивал! Успокойтесь. Просто Вовчик думал, что Лилька легкодоступный кусок, проглотит и не заметит. А вот видишь, подавился. Его Лилькина недоступность взяла. Это, девочки, порода такая. Пока не дают, берет штурмом, ничего не жалея, а получил – бросил за ненадобностью.

– Успокойтесь, девочки. Не кажется ли вам, что вы переборщили? Никто никого не штурмовал и никто никого еще не бросал, – остановила полемику Лилия. – Вова мой муж. Вышла я замуж по любви и согласию, не на один день! А семья это вечный труд, и жена должна строить отношения. Меня так бабушка учила, и я так буду жить. Приедет Володя, скажет идти в гости, я пойду.

– А скажет в омут с головой броситься – бросишься?

– Она итак уже бросилась! Хватит девку мучить. Пора спать ложиться, полночь давно миновала, – охладила всех Ниночка.

Подружки разошлись по своим комнатам, а Лилия с Ниночкой еще долго переговаривались, лежа в своих кроватях, пока не уснули.

На следующий день, вечером, в комнату к девушкам влетела вахтерша.

– Костромина, тебя срочно к телефону требуют!

– Меня? Кто требует? – удивилась Лилия. За все годы учебы ей никто и никогда не звонил.

– А я почему знаю? Приказали срочно позвать, я и зову. Кто же его знает, кто тебе звонит?

Ты у нас теперь невестка генералова, не абы что.

Лилия спустилась в вахтерскую.

– Алло?

– Привет, дорогуша. Что ты там устраиваешь? Мама старается, все оповещены, затрачены средства бешенные, чтобы тебя приодеть. А ты? – В трубке сипело и скрипело и Лиле пришлось приложить немало усилий, чтобы все расслышать.

– Вовочка, это ты?

– Я, конечно, я. А что, тебе там еще кто-то звонит? Ты на стороне кого-то завела, пока муж службу несет?

– О чем ты говоришь, Вовочка? Кого я завела?

– Приеду – ноги выдерну и тебе, и ему, запомни!

– Вовочка, у меня никого нет, о чем ты?

– Ладно, разберусь. А теперь ступай, собирай свои манатки и отправляйся к родителям.

Вались к мамке в ноги, чтобы простила и слушай ее. Я скоро приеду.

– Володя, а когда ты приедешь? Я буду тебя ждать, и мы вместе поедem к родителям.

– Вот что, дорогуша. Либо ты мужа слушаешься, либо адью, прощай бэби. Завтра же чтобы у матери прощение попросила и не выдергивайся там. Маме волноваться нельзя, – и он положил трубку.

Голос мужа исчез, растаял как дымка, и лишь четкий ритм коротких гудков напоминал о том, что все было действительностью. Она вернулась в комнату и рассказала все Нине.

– И что ты решила?

– Нет. В ноги к его мамаше я не кинусь! – решительно заверила Лиля подругу. – Приедет, я ему все расскажу. Он должен меня понять.

Глава 6

В общежитии Вовчик появился через неделю. Разодетый по последней моде, он приехал, когда Лиля еще не вернулась с редакции, где проходила преддипломный практикум, а в комнате была одна Ниночка. Увидев свою прежнюю подружку, он тут же решил получить ее ласку, пользуясь отсутствием жены, и был крайне удивлен решительным отказом.

– Вот те раз! – потер он щеку, получив хорошую оплеуху от Нины, когда пытался силой поцеловать девушку. – Так ты что, действительно в подружки записалась? А я думал, папан шутит.

– Я не знаю, как шутит твой папан, но Лильку обижать не позволю.

– Ух, ты, какая строгая стала! А помнишь...

– Помню. Я все Вовочка помню: и как ты клялся, и как других уговаривал, и как на Лиле обманом женился.

– Так уж и обманом! Она сама мне на шею повисла.

– А вот это непорядочно, дорогой. У нас все общежитие знает, что она тебя любит, а ты ее обманываешь. Не ты ли подделал письмо от родителей, чтобы она с тобой в Загс согласилась пойти?

– Ничего я не подделывал. Какое еще письмо? Врет она все.

– Да что ты говоришь? А твой папаша другое мнение по этому поводу высказывал.

– Это его мнение, – буркнул Вовка и отошел к окну. – Где она шляется. Ехать пора.

– Лиля не шляется! Она на работе, у нее преддипломная. И не меряй всех на свой аршин!

– Где тебе знать о моем аршине? Где ты его видела? У меня в ширинке, что ли?

– Ну, ты и хам! Кликнуть ребят, чтобы тебя вышвырнули? Вот только Лильку жаль. Но я тебе эти слова запомню, учти!

– Учти, учти, учетчица, – нагло усмехнулся Вовчик. – Да смотри, как бы тебе не учли!

В это время дверь распахнулась и вошла Лиля.

– Володя! А я смотрю у подъезда машина Бориса Николаевича, думала, он приехал.

– Привет, моя красавица, – театрально распахнул объятия парень, насмешливо посмотрев в сторону Ниночки. – Говорят, ты своей красотой весь ЦУМ поразила. Люся захлеб о тебе только и говорит.

– Люся? Когда ты ее видел? Ты давно приехал?

– Нет, минут пять всего жду. Давай быстренько бросай свои книжки, и поехали.

– Куда, зачем?

– Как куда? Домой, конечно. Ты почему меня не послушала и почему не уехала к родителям?

– Володя, я хотела тебе рассказать.

– Потом расскажешь, а сейчас – поехали!

Нина не успела и слова вставить, как он быстро вывел девушку из комнаты. Уже в мчавшейся по улицам города машине, строго обратился к жене.

– Это что за безобразие, моя дорогая? Что за капризы? Любая другая девчонка на твоём месте сочла бы за благо считаться членом семьи Соколовских, а ты? Чем это мои родители тебе не угодили? Привезли в приличный магазин, купили вещей, чтобы ты выглядела соответственно положению мужа. А ты? Плюнула им в лицо.

– Володя, послушай...

– Ничего слушать не хочу! Тебе что, вещи показались дешевыми? Ты хочешь в Париж ездить одеваться? Но извини, ты пока еще только жена лейтенанта и в гарнизоне этого не поймут.

– Зачем ты такое говоришь? – попыталась остановить поток его упреков Лиля.

– Я говорю, что ты оскорбила моих родителей. Мама до сих пор не может спокойно об этом вспоминать. У нее был острый сердечный приступ, – не обращая внимания на попытки Лили достучаться до его сознания, продолжал свое Вовчик. – Сейчас приедем и ты тут же, слышишь, тут же извинишься перед ней! И пора тебе уяснить, что ты попала в семью порядочных людей и должна себя вести соответственно. Не нравиться, никого не держим. Можешь отправляться на все четыре стороны! Митя, останови машину!

– Володя, ты что делаешь? Мы с тобой столько времени не виделись!

– Вот так-то лучше, дорогуша! Либо ты, как жена, слушаешь мужа своего, либо... О, вот и приехали.

Машина остановилась возле одной из высоток и Вовчик, открыв дверцу, вежливо подал руку жене.

– Господи, только бы никто из соседей не увидел, – пробормотал он, помогая Лиле подняться по ступеням.

Его молитвы были услышаны, или он время точно рассчитал, но ни в холле, ни в лифте им никто не повстречался, даже консьержка, ушла в подсобку. Едва они вышли из лифта, как дверь в квартиру тут же открылась. Лиля, озадаченная выговором мужа и его явным нежеланием ее выслушать, покорно шагнула в прихожую.

Жить в общежитие Лиля больше не вернулась. Спустя пару дней они с мужем заехали за ее вещами. Девушка была грустна, а Вовка довольный, все пытался отпустить шутки.

– Зачем тебе эти тряпки? – возмутился он, увидев, как аккуратно Лиля укладывает свои старенькие платица в чемодан. – Тебе что, мало того, что мама купила? Сейчас съездим в ЦУМ и купим еще! Забирай книги, и поехали отсюда!

– Вовчик, ты бы пошел куда, побродил и дал ей возможность спокойно собраться, – вступилась за девушку Ниночка.

– Куда это я пойду? Ты только взгляни на нее! Нет уж, такую красавицу я теперь ни на шаг без охраны не отпущу. Я ее в плен взял навсегда!

– Эт точно сказано!

– Нинк, а тебе завидно, что ли? Подружке хорошо, а ты злишься.

– Когда человеку хорошо, он глаза не прячет. Так ты выйдешь или нет? Дай поговорить, будь любезен.

– Ладно, пойду, позову шофера, пусть этот хлам выносит, – небрежно согласился Вовка.

– Лиль, ты всерьез решила уйти с общаги? Тебе там будет лучше?

– Лучше мне там не будет, и ты это прекрасно понимаешь. Но что делать? Володя решил, что я должна жить у его родителей до защиты.

– А потом?

– Поеду в гарнизон, к мужу.

– Лиль, ты глупости не твори. Уже однажды наделала этим своим замужеством.

– Что ты, Ниночка! Я замужество не считаю глупостью. Я люблю Володю и поеду за ним на край земли, если понадобится.

– Это ты можешь, жертвенная овечка! Ты о себе подумала? Что ты там, в гарнизоне делать будешь?

– Там тоже люди живут.

– Живут, живут! Но тебе что делать? Здесь аспирантура уготована, интересная работа. А там?

– Ниночка, там будет мой муж и моя семья! Знаешь, как я мечтаю иметь свою семью, свой дом, детей!

– Милая моя! – Ниночка обняла подружку. – Я очень желаю тебе счастья! – девушки обнявшись, расплакались. – Успокойся, моя хорошая. Ты знай там, в золотой клетке, если что, твоя койка здесь пустая. Только не таись, приезжай. Поняла?

Лиля кивнула головой, не в силах вымолвить ни слова. Она прекрасно понимала, что стоит ей сегодня перешагнуть порог Соколовской квартиры и «золотая клетка» захлопнется навсегда. Девушка быстро открыла свой потрепанный чемоданчик и отыскала шкатулку, что оставила бабушка, достала из нее маленькую брошь в виде голубя и приколола подружке на кофточку.

– Это тебе на память! Их пара, вот смотри! Один тебе, один мне, чтобы не забывали друг о дружке!

Через два месяца Лиля с блеском защитила диплом и, несмотря на уговоры профессоров, уехала на Урал, в гарнизон к мужу.

Глава 7

Первый год в гарнизоне дался Лиле нелегко не потому, что она скучала по столице, а из-за тяжело переносимой беременности с токсикозом, головокружением и постоянной угрозой выкидыша. Вовчика беременность жены не интересовала.

– А ты уверена, что это мой ребенок?

– Володя! – бедная женщина не знала, что и сказать. – Как ты мог подумать так! Это наш с тобой ребенок!

– Ну ладно, ладно. Успокойся. Наш, так наш. Родится – увидим. – Отворачиваясь к стенке, равнодушно произнес он.

Что хотел он увидеть после рождения ребенка, Лиля так и не поняла. Муж храпел, а она, лежала рядом с ним, плакала тихо-тихо, чтобы случайным всхлипом не разбудить его чуткий сон.

Устроиться на работу Лиличка нигде не могла. Гарнизон, где они служили, еще только строился. Строились и вводились в эксплуатацию дома, пусковые точки. Остро не хватало людей со строительными специальностями. Физики и математики не требовались. В политотделе, куда она пришла по приезду, ее поставили в очередь на работу в школе, которой в гарнизоне не было еще и в помине. Где ее построят, когда и в какие сроки никто не знал. Но замполит Лилю успокоил.

– Через годик, другой у нас будет большая, красивая, хорошо оборудованная школа. Я вас уверяю! И вы обязательно будете преподавать нашим деткам физику или математику! Обязательно! А пока советую поискать работу в поселке.

В маленьком рабочем поселке, который располагался в пяти километрах от городка, вся жизнь была сосредоточена вокруг железнодорожного узла. Всё и вся в этом поселке ориентировано было на работу железнодорожного транспорта, а не на местный часовой пояс, потому что поезда приходили и уходили согласно расписанию, составленному по московскому времени. В поселке было железнодорожное депо, две школы: железнодорожная и поселковая; две больницы: районная и железнодорожная, несколько детских садов, три магазина, два дома культуры: ДК железнодорожников и кинотеатр «Салют», районный дом быта. Вот и все.

Лиля старательно обошла все эти предприятия. Она согласна была устроиться работать на любую специальность.

– Вы окончили московский университет? С красным дипломом? – обычно восхищенно спрашивал руководитель, которому Лиля предъявляла свои документы. – И чья же вы будете, что-то не припомню?

– Я из гарнизона. У меня муж офицер.

– А, военный, – тотчас разочарованно тянул директор. – Нет, знаете, у нас для вас работы нет.

– Как же так? Вот в местной газете я прочитала, вам нужна машинистка. А я хорошо знаю машинопись.

– В какой газете? Так тож неделю назад писали объявление. Мы уже взяли машинистку. Вот только что я заявление подписал. Завтра на работу выйдет человек. А вы уж извините. Поищите где-нибудь у себя, в городке.

Лиля уходила, расстроенная опозданием, но через неделю с удивлением видела все тоже объявление в той же, местной газете и спешила вновь к директору и вновь получала отказ.

Помыкавшись так в течение месяца, женщина поняла, что ее просто не хотят брать на работу потому, что она из «военных». В поселке жен военных не любили. Вдобавок ко всему беременность женщины была очевидна. А какой руководитель возьмет на работу человека, чтобы через пару месяцев тот ушел в долгосрочный, оплачиваемый отпуск.

Но Лиле повезло. Ее соседка, с которой девушка познакомилась сразу же по приезду, предложила устроиться агентом по страхованию.

– Пошли к нам. У нас в страхоагентстве не спрашивают ни о здоровье, ни об образовании. Главное, чтобы считать деньги могла, и была аккуратна с казенными рублями. Да и работа не бей лежачего! Ходи, собирай дань, да новых клиентов уговаривай страховаться. А там, глядишь, и в декрет уйдешь. Правда, больших декретных не жди, но все лучше, чем ничего.

И Лиля согласилась. Действительно, это было лучше, чем ничего.

Квартиру Вовчик получил накануне приезда жены. Лилия с первых же дней стала ее обу-страивать. На свои скудные скопления она купила в местном магазине веселенький ситчик и нашла шторы на окна, скатерки и постельное белье, благо прихватила с собой бабушкину старенькую швейную машинку. Вовчик денег жене практически не давал. Так, сущую мелочь на пропитание. Вначале Лилия молчала и тратила то, что привезла с собой, но спустя месяц она все же решилась и сказала мужу, что у нее нет средств даже на продукты.

– Я тебе недавно давал двадцать рублей, – вспомнил «внимательный» муж.

– Но это было в прошлом месяце. Я купила чайный сервиз, и мы все это время питались на эти деньги.

– Если ты так будешь транжирить, у нас никогда не будет ни копейки.

– В чем я транжирую? – удивилась женщина.

– Зачем было покупать сервиз? Мы что, приемы устраиваем? Можно было купить пару чашек и все.

– Володя, так жить нельзя.

– Нельзя замуж без штанов выходить, – резко оборвал Вовчик жену. – У нормальных девушек приданное есть. А у тебя что? Что ты в дом мужа внесла? А теперь требуешь всего и сразу.

– Но, как же так, Володя? Нам необходимо купить хотя бы элементарные вещи.

– Вещи, вещи! Все вам бабам вещи нужны! Необходимо купить – покупай! Но я тебе буду отпускать деньги только на продукты. И будь любезна, распорядись ими экономно. Нормальная жена и из топора вкусную кашу сготовит.

После этого он, вооружившись ручкой, четко расписал жене, сколько сахара, соли и прочих продуктов она должна брать в магазине. Просчитав все суммарно, он стал выдавать Лиле строго определенную сумму.

– Володя, но у нас скоро будет ребенок. Необходимо подготовиться.

– Экономь, не транжирь! – Отрезал муж и сумму не увеличил.

Больше Лилия разговор на тему денег не заводила, а когда соседка предложила поработать в страховой компании, обрадовалась, ощущение нахлебницы было для нее мучительно.

На работе Лилию приняли почти равнодушно.

– Вы хотите у нас поработать? Учтите, самое главное это аккуратность в заполнении документов, своевременная отчетность и честность в финансовых вопросах, – роясь в кипе каких-то бумажек наваленных на столе, объяснила ей заведующая. – Сейчас пойдете к Марь-Петровне. Она Вам выдаст документы и списки. Настя, ты девчонку привела, ты ей и расскажи, как и что делать.

Мария Петровна взяла у Лилии трудовую книжку, не взглянув ни в паспорт, ни на диплом женщины, выдала ей потрепанную папку на завязках.

– Вот тут все. И квитки новые, и книжка. Иди, детонька, работай. Там уже давно люди ждут, а человека не было, послать некого.

С бумагами Лилия разобралась легко, а вот войти в незнакомый дом ей было очень сложно. Несмотря на то, что они с бабушкой жили в деревне, Лилия выросла замкнутым и одиноким человеком. В школе была дружна со всеми, но подружек для душевных бесед и поверительниц тайн у нее никогда не было. Только на последнем курсе университета она подружилась

с Ниночкой и другими девочками, с которыми прожила под одной крышей университетского общежития пять лет.

К первому клиенту пошли вместе с Настей. Говорила с жителем наставница, а Лиля заполняла квитанции и внимательно слушала. Настя, девушка бойкая, тут же уговорила хозяйку застраховать внука.

– Уяснила суть нашей работы? Держи страховой, это я для тебя сделала, для почину. Ты, главное, не молчи. Чем больше с ними говоришь, тем больше они тебе доверяют.

– А о чем можно говорить?

– Да хоть об чем. О погоде, о природе. Заговорит какая-нибудь бабка о том, как ее кости ломит, ты ей расскажи, как твоя бабушка мазями растиралась.

– У меня бабушка не растиралась мазями.

– Ну и что ж с того! Ты придумай. Им, старикам, поговорить хочется. Между собой они уже все переговорили, а ты свеженькая. Вот они тебе и будут рассказывать о своих бедах, а ты поддержи разговор, а там и про свои дела не забудь напомнить. В разговоре они покладистые. Глядишь, и новые договора появятся. А это твоя работа, твой заработок. Не забывай, чем больше соберешь, тем больше получишь. Я пошла, у меня сегодня договорено на пять адресов. Зарплата в депо прошла, надо успеть собрать дань, а то потом у них денег не будет.

Настя убежала по своим делам. Чтобы посмотреть, куда идти дальше, Лиля присела на лавочку возле какого-то двора. Только открыла тетраточку с адресами, как тут же к ней подошла сгорбленная старушка.

– Вы кого-то ищите, дамочка? Аль, чья будете?

– Нет. Я здесь не живу. Я из Госстраха.

– Ага, – согласно кивнула головой бабуля. – А энто что такое?

Лиля стала подробно рассказывать старушке о том, что сама поняла из рассказа Насти и что успела прочитать в инструкциях. Старушка внимательно слушала, приоткрыв ухо из-под платка.

– Так значит ты страховщица, – удовлетворенно подвела она итог. – А куды ж делась та беспутная, что нас пожаром страшала?

– Говорят, уволилась.

– Ну и лады. Клавка! – вдруг зычным голосом прокричала старушка, заглядывая за забор. – Клавка, слышь, тута страховщица пришла. Тобе надо было, аль уже застраховала корову-то?

– Та нет яцо, – из-за калитки выглянула миловидная женщина. – Эт вы страховщица? Гойда ко мне в избу, чога тутка сидети, – пригласила она Лилю. – Егоровна, а ты к Ваничкиной сбегай, скажи, нехай до мэне идеть, чога девка по дворам бегать буде.

Хозяйка провела Лилю в светлую, чистенько убранную кухню и усадила за стол.

– Сядайте, сядайте. Вот тута и пишите. Я щас молочка и чайку приготовлю, у меня и шанежки свеженькие готовы. Та вы не смущайтесь, не смущайтесь, – подбодрила она, заметив робость девушки.

Лиля присела у края большого стола, а хозяйка хлопотала возле плиты. Минут через пять Лиля разобралась в своей тетрадке и выписала все нужные квитанции, собралась уходить, отнекиваясь от гостинцев хозяйки, как в избу вошли еще две женщины, через пару минут пришел мужчина. Постепенно, по зову Егоровны, люди собрались у Клавдии, и Лиле осталось только сидеть да выписывать документы и отвечать на вопросы. Когда последняя квитанция была выписана, а деньги уложены в пакетик, Клавдия позвала со двора Егоровну и свою куму, которые все это время сидели на лавочке возле дома.

– Вы, ужо, девушка, посидите с нами, попейте чайку. У нас конечно, не хоромы, но не побрезгуйте, переломите хлебца.

– Что вы, – еще больше засмушалась Лиля. – Я вам очень благодарна за помощь. Я ведь совсем не знаю вашего поселка. И в ваши края недавно приехала. А у вас здесь так хорошо и приятно, – Лилия обвела рукой кухню. – Я будто в детство свое попала.

– А вы что, из деревни родом?

– Нет. Я родилась не в деревне, мы с бабушкой жили в деревне.

– Вот те раз! – искренне удивилась Клавдия. – А я подумала, что вы из военных да городских. Вон и одеты, как москвичка.

– В Москве я только училась.

– Да кака разница кто откедова, – успокоила женщина Лилию.

Чай у Клавдии обернулся настоящим обедом, с наваристым украинским борщом, тушеной с мясом и капустой с картошечкой, с жареными грибочками («Вчера Ванятка в березнячке собрал на жареху»), с малосольными огурчиками.

Не спеша женщины «пробовали» пищу, похваливали хозяйку, а заодно и разговор вели. Говорили про погоду – дожди в этом году замучили, все льют да льют, про хозяйство – ягоды совсем нет, а вот огурчики ничего, завязь хорошая, про семью – младшая у кумы замуж собралась за военного, вроде бы парень и ничего, да ведь уедут, военные народ кочевой, нынче здесь – завтра там.

Лилия слушала их неторопливый разговор и воспоминания возвращали ее в детство, когда была жива бабушка, баба Маня, их подружки соседки. По вечерам они также собирались за чашкой чая, и разговор вели на такие же повседневные, бытовые темы. Как давно это было! Какими они тогда были счастливыми! Как жаль, что уже никогда не вернуть прошлое.

– А вот это вы возьмите с собой, – протянула хозяйка сумку, когда стали расходиться по домам.

– Что вы, зачем? Я не возьму! – запротестовала девушка.

– Как это не возьмешь? – возмутилась Егоровна. – Люди от чистого сердца тебе гостинцы несли, а ты не хочешь брать. Что ж теперь, все в помойку выбросить! Нехорошо так, милая. Бери, бери и не смущайся. Нам в радость, тебе во здоровьице!

Дома, разбирая сумку, Лилия ахала в восхищении и от всей души благодарила щедрых дарителей. Уже давно она не видела домашних молочка, сметанки, а тут и овощи с грядки, и кусочек свежего мяса, и хороший шмат сала. Вот только никак женщина не могла избавиться от чувства стыдливости.

Глава 8

Постепенно Лиля втянулась в работу, и ей даже нравилось общаться с людьми. Они так напоминали односельчан бесхитростным житьем-бытьем. Она привыкла к их привету и к их грубоватости. У нее появились свои подопечные бабушки и дедушки, одинокие люди, которым за хлебом в магазин пойти нет сил, не то, что по хозяйству что-либо делать.

Лиля, засучив рукава, мыла посуду, стирала нехитрые старческие вещи, убирала в доме.

– Оставь, дочка, веник. Я уж как-нибудь и сама подмету! Ты лучше поговори со мной, – просила одинокая бабушка.

– Я буду мести, а вы рассказывайте. И дело сделаем и поговорим.

– Ты хорошая девочка, у тебя душа красивая, – однажды сказал ей очень пожилой мужчина. – Вот только глазки у тебя грустные. Ребеночка под сердцем носишь мужнего?

– Конечно, – вспыхнула девушка.

– А он рад детенышу?

– Не знаю, – отвернулась Лиля, чтобы мужчина не увидел набежавшую слезу. – Мы об этом не говорим.

– Ну-ну, дочка, не переживай. Мы, мужики, пока на руках своего не подержим, счастья не понимаем. Вот увидит сына – обрадуется.

– Да кто ж его знает – сын будет или дочь.

– Сынок будет, это ты не сомневайся. Что так смотришь удивленно? Я не всегда таким старым и беспомощным был. Когда-то, дочка, я земским врачом работал, на три деревни один. И терапевт, и хирург, и акушер – все в одном лице! Сколько ж насмотрелся людских судеб! А ваша, женская доля, редко легкой бывает. Но ты верь, у тебя все должно быть хорошо! И деток нарожаешь, и муж любимый и любящий рядом будет, потому что душа у тебя светлая, незамутненная.

– Спасибо вам, Иван Иванович, на добром слове.

Добрые слова Ивана Ивановича благодатным бальзамом легли на душу молодой женщины. Если на работе у нее отношения с клиентами и с начальством установились благодушные, жители ее встречали теплом и лаской, а начальница постоянно хвалила и ставила в пример даже сотрудникам со стажем, то дома было не весело. Муж, позавтракав, уходил на работу и возвращался с каждым днем все позже и позже. Однажды она спросила, где он так за полночь задерживается. В ответ Вовчик рассмеялся.

– Ты решила устроить допрос? Я свободный человек, взрослый и самостоятельный, и не собираюсь перед тобой отчитываться за каждый свой шаг. Я же не спрашиваю, где ты все дни шляешься.

– Но я... я работаю, – растерялась Лиля.

– И это ты называешь работой? Стоило ли шесть лет учиться, чтобы бегать по домам и собирать куски у бабок! Посмотри на себя, ты просто побирушка.

– Да как ты смеешь! – возмутилась Лиля.

– Смею, – спокойно прервал ее Вовчик. – Это ты меня позоришь, таскаешь подачки.

– Но на это мы живем!

– Ты опять за свое? На проживание я даю тебе денег. Если ты мотовка и не умеешь деньгами распорядиться правильно, я не виноват. И вообще, оставь меня в покое. Скажи спасибо, что тебя в приличную семью ввели. Не нравиться – убирайся на все четыре стороны! – хлопнув дверью, он ушел.

Наплакавшись, Лиля с тревогой ждала его вечером, но он пришел на следующее утро, с душным запахом перегара и красным следом от поцелуя на груди. Заметив недоуменный взгляд жены, усмехнулся.

– Чего уставилась? Засоса не видела, что ли? А, ты ж невинная! Ни приласкать, ни поцеловать мужика не можешь. Вот уж действительно нарвался. Рыба ты, а не баба.

Неделю Вовка возвращался домой по утрам, неделю Лиля прятала от всех заплаканный взгляд. А потом он вернулся домой поздно вечером с разбитым носом. Вбежал в квартиру, прикрывая лицо окровавленным платочком.

– Вовочка, что с тобой? Кто тебя так? – Лиля, забыв обо всех оскорблениях, кинулась к мужу.

– В темноте упал, разве не видишь, – прошепелявил Вовчик.

Весь вечер Лиля хлопотала над ним, ставила примочки, гладила, как маленького ребенка по щекам, поила из чайничка теплым чаем. Вовка заснул, а она еще долго шептала ему нежные слова и покрывала избитое лицо легкими, как дуновение ветерка, поцелуями. Под утро, выпавшись, Вовка грубо ее изнасиловал, ставя в разные позы, не обращая внимания ни на ее просьбы, ни на ее стоны. Насладившись, он откинулся и засмеялся.

– Жива? Вот так вас стерв и надо. Чего молчишь? Хочешь сказать, удовольствия не получила? Хоть будешь знать, что такое мужик. Завтрак готовь, мне на службу.

Шатаясь, Лиля прошла на кухню. Вовчик убежал на службу, а Лиля весь день пролежала, свернувшись калачиком, прижав руки к животу, но к приходу мужа встала и приготовила ужин, прибрала растерзанную кровать и разбросанные мужем вещи.

Вовчик явился домой после отбоя в казармах, и вновь повторился кошмар прошедшей ночи. Теперь он приходил домой вовремя, ужинал и, посмотрев телевизионные новости, небрежно бросал Лиле: «Стели постель». Никакие ее уговоры и просьбы не останавливали его в удовлетворении своих мужских желаний.

– Вовочка, но это вредно для ребеночка, – пыталась вызвать его жалость жена.

– Чего вредного мужа ублажить? В деревнях бабы в поле до родов пашут и ничего. Родила в снопах, перепеленала и опять пахать. А тебе ночью мужика ублажить вредно? Или хочешь, чтобы я нашел замену? Я мигом, только скажи.

Постепенно, ночь за ночью Лиля действительно научилась или приспособилась удовлетворять своего мужа так, чтобы он оставался доволен, и последствия были минимальными. Стеснительная по жизни, она, благодаря наглости Вовчика, день за днем приобретала раскованность в постели. К огромному удивлению порой испытывала удивительное чувство наслаждения от мужских ласк. То, что раньше было стеснительно, грубо и непозволительно, вдруг приобрело другой окрас, другое понимание, другое ощущение. И когда дивизию подняли по тревоге и отправили в летние лагеря на две недели, Лиля поняла, что не хватает его рук, грубо ласкающих ее маленькие грудки, его губ и жадного рта, целующего и покусывающего все ее скромные места. Все две недели, укладываясь в постель, она с трепетом вспоминала его ласки, представляла, как будет отдаваться ему, когда он вернется домой.

Вначале сентября Лиля родила хорошенького мальчика, как две капли похожего на мужа. К моменту выписки из роддома приехал Борис Николаевич с подарками для внука.

Когда мальчика, запеленатого в белые кружева, медсестра передала на руки отцу, малыш вдруг разразился громким плачем.

– Фу, какой крикуша! – незадачливый папаша тут же передал ребенка жене.

– Антоша у нас не крикуша, Антоша у нас спокойный мальчик, – залепетала над ребенком Лиля.

– Так вы что, решили малыша назвать Антоном? Молодцы, умницы! Это маме будет большой подарок! – обрадовался Борис Николаевич.

«При чем здесь мама?» – удивилась Лиля, и только спустя какое-то время она вспомнила – «Мария Антоновна».

Дома, распеленатый малыш, суетно перебирая ножками и ручками, с удивлением рассматривал своими черными бусинками-глазками всех, но стоило к нему склониться отцу, как

он начинал морщить личико в плачущей гримасе. Вечером, накупанный и накормленный он спокойно заснул и проспал практически всю ночь, не потревожив ни кого.

– В нашу породу, – одобрительно подвел итог Борис Николаевич, прожив неделю в семье сына.

Каждый день он с огромным удовольствием гулял с малышом во дворе, и с не меньшим удовольствием получал поздравления с рождением внука. Командование дивизии, в угоду высшему начальнику, поздравляя молодых родителей, выдало им ключи от двухкомнатной квартиры улучшенной планировки в новом доме. Новоявленный дедушка сам подобрал колыбельку и прочие мелочи для своего внука.

Через неделю после его отъезда с нарочным из Москвы были доставлены подарки и от бабушки: подгузники, распашонки, конвертики, одеяльца. Все вещи были импортные, удивительно красивые. Здесь же были приложены подарки, и поздравление Вовочке по случаю рождения сына. Имя Лили нигде не упоминалось. Для свекрови невестка не существовала, но молодую женщину сей факт не волновал. Так, немного огорчилась, но тут же забыла в хлопотах о сыне и муже.

Вовчик после отъезда отца неделю пил, обмывая сына, а затем вновь ушел в загул. О том, что у него появилась новая пассия, Лиля узнала от Насти.

– Ты что ж это позволяешь ему так собой вертеть? Ты знаешь, что он к Ритке Кудравой бегаёт?

– Побегает и вернется, – пожала плечом Лиля.

– Вы посмотрите на нее, – возмутилась Настенька. – А если не вернется, тогда что?

– Куда он денется, он сына любит.

– Вот дуреха! Видела дурех, а такую впервые вижу! Ни одного мужика еще дети не привязали! Намыль ему маковку хорошенько, и ей не мешает волосы подрасть.

– А ей-то за что?

– Как за что? Она ведь мужика из семьи уводит!

– Мужик не бычок, не на привязи! Не захочет – не уйдет!

– Смотри, девка, с такой моралью и с таким мужем еще наплачешься!

Откуда было знать Насте, что Лиля давно по ночам плачет, в тоске кусая подушку, но сказать что-либо Вовчику не смеет. За то время, что они с мужем прожили, она поняла его характер, привычки и манеры. Женщина видела дурные стороны Вовчика, но оправдывала все его гадкие поступки плохим воспитанием и влиянием мамочки. Порой ей казалось, что необходимо немного потерпеть, и муж исправиться, станет другим, он поймет, как она беззаветно его любит, как он ей дорог. Когда Владимир задерживался со службы, страшные мысли – а вдруг с ним что-то случилось – волновали ее больше, нежели его блудливые похождения. Страх потерять единственного и любимого был выше ревности и огорчений измен. Он пришел, он вернулся, значит, она ему нужна, значит он ее, а та, другая так, временная игрушка в руках взрослого ребенка. Для себя женщина давно уже вывела аксиому, что мужчины – малые дети, и до конца своей жизни играют в машинки, войну и любовь.

Глава 9

Сексуальные игры Вовчика привели к не очень хорошим событиям. Командование гарнизона, особенно после приезда «высокопоставленного папочки», смотрело на «развлечения» молодого лейтенанта сквозь пальцы. Лиля ждала, когда муж одумается и вспомнит о ребенке и семье. А Вовчик, воспользовавшись вседозволенностью и безнаказанностью, жил своей жизнью, своими страстями.

Поволочившись за Кудравой, он вдруг увлекся официанткой из офицерского кафе. Фаина была дамой далеко не молоденькой, перешагнувшей тридцатилетний рубеж, невысокого роста и пышных форм. В гарнизоне все знали, что в свое время она входила эскорт-группу и пользовалась благосклонностью командующего.

В те времена ей, как и всем подобным дамам, командование выделило хорошие квартиры, укомплектовав за счет дивизионных средств, всем необходимым для комфортного времяпрепровождения проверяющего вышестоящего комсостава. И, несмотря на то, что ни одна приличная семья с такими девицами дружбу не водила, командование всегда относилось к ним благосклонно и одаряло всевозможными благами. Кто же ее знает, какое влияние она имеет на Ивана Ивановича или Михал Михальча. Это только по закону, жена – стена. А на опыте всех времен историю делают любовницы да фаворитки.

Вот и Фаина была из числа так называемых фавориток. Престарелый командующий, любитель пышных форм, давно комиссован в отставку, но в составе проверяющих комиссий всегда находился кто-то желающий прижаться к округлому бочку доступной и опытной в постели молодухи.

В повседневной жизни все эти девочки и дамочки вели благопристойный образ жизни, дебошей и оргий не устраивали (политотдел свою работу вел исправно). Среди них были и такие скромницы с опущенными глазками, что не посвященный человек ничего заподозрить не мог.

Фаина не из числа скромниц. В перерывах между приездами комиссий, она успевала морочить голову молодым лейтенантам, которые почитали за честь оказаться в постели с, хоть и бывшей, но все же, любовницей командующего. В гарнизоне ее называли «Переходящее Красное Знамя».

Несмотря на весь этот пышный шлейф, Вовочку Фаина держала на длинном поводке, чем приводила в бешенство. Поставив себе задачу уговорить девицу, он все свободное от службы время проводил либо в кафе, либо у Фаины. Чуть ли не каждый вечер он выяснял отношения с другими претендентами. Весь гарнизон с любопытством наблюдал за развитием событий. Только дети не обсуждали этот любопытный факт. Дети и Лиля, жена Вовчика.

Лиля всегда жила своей обособленной жизнью, не принимая участия в мероприятиях гарнизона. Прожив два года в городке, она практически ни с кем не была знакома. Если раньше это было связано с работой в рабочем поселке, то после рождения ребенка, она полностью посвятила себя сыну и мужу. Сидеть на лавочке с женщинами и обсуждать «события», бегать по общественным мероприятиям у нее элементарно не хватало времени. Даже обязательные прогулки с малышом она использовала для чтения книг, хождения по магазинам.

Вовочка с рождением сына дотаций на домашние расходы не увеличил, поэтому женщине пришлось заниматься шитьем и вязанием. Она так увлеклась процессом вывязывания различных кофточек и шапочек, что все свободное время возилась с клубочками, что-то распуская, что-то сматывая. В последнее время у нее появилось еще одно, не менее увлекательное занятие.

После своего отъезда из Москвы, Лиля не прервала общения с Ниночкой. Она знала, что подружка тоже вышла замуж за офицера, который в отличие от Вовчика окончил военную

академию и служил в генштабе, но ездил в командировки в войска. У них родился сын на полгода раньше Антоши. Ниночка осталась учиться в аспирантуре и работала при университете. Жила молодая семья в офицерском общежитии и родители мужа, чтобы как-то помочь, взяли малыша к себе, в Новосибирск. Ниночка очень скучала по сыну и часто ездила к родителям. Однажды проездом она побывала в гостях у подружки, и с первых часов общения поняла, в какую непростую ситуацию попала Лиля.

Вернувшись в Москву, Нина переговорила с преподавателями, которые помнили прилежную и умную студентку Костромину, и сожалели, что девушка не продолжила учебу в аспирантуре. Может быть поэтому Ниночке удалось договориться о публикации работ своей подружки в университетском журнале.

– Ниночка, что ты придумала, какие еще работы? Я скоро забуду таблицу умножения! – пыталась остановить Лиля подружку, когда та сообщила новость по телефону.

– Вот и вспомнишь. И не только таблицу умножения! Лилька, у тебя не голова, а дом советов! Разве можно так оглупеть, чтобы всю себя целиком посвятить мужу и совершенно забросить любимое дело?

– У меня сейчас малыш и он требует внимания.

– У миллионов женщин есть малыши, тем не менее, они продолжают жить активной жизнью! И не возражай! В конце концов, вспомни свою бабушку. Разве о такой судьбе для своей внучки она мечтала? В память о ней ты не должна отступать от намеченной цели!

– Ну, хорошо, хорошо! Присылай темы, я посмотрю, – последний аргумент сработал, и Лиля согласилась с подружкой.

Нина только этого и ждала. Ближайшим нарочным темы были высланы. Лиля по вечерам допоздна сидела над разработками и статьями, стараясь как можно доступнее и лаконичней изложить материал. Она остро почувствовала, как стосковалась по своей работе, по своим интересам, по той, прежней, наполненной мыслями, идеями и целями, жизни и была благодарна подружке за протянутую руку помощи. Она была востребована, у нее появилась своя аудитория. Первые две статьи прошли очень успешно. Более того, редакция журнала «Алгебра и логика» предложила Лиле опубликовать материал и «по желанию автора редакция готова рассмотреть вопрос о сотрудничестве и публикации материалов новых разработок в данном направлении».

Так уж совпало, но в период Вовкиного очередного загула заболел малыш. Ничего серьезного не было, у малыша резались зубки, но откуда было знать молодой мамочке, что это бывает с каждым ребенком и необходимо перетерпеть, переждать. Малейшее отклонение состояния здоровья ребенка вызывали у Лили дикий страх, переходящий в панику. Малыш капризничал, у него за день неоднократно менялось состояние. Его раздражало все. Он тянул ручонки к игрушке, затем бросал ее и просился к маме не руки, тискал в ротик свой кулачок или первый попавшийся предмет. Маленькие розовые десна набухли и слегка потемнели. Врач, которого обеспокоенная мать, пригласила домой, успокоила.

– Что вы, мамаша, так квохчете. Все идет нормально. У него зубки режутся. И вы когда-то так же мучились. Посмотрим, если через неделю не прорежутся, привезете к нам, сделаем надрез.

– Какой надрез? Вы что, в ротике у него будете оперировать?

– А где же еще? И не оперировать, а надрезать.

– Но это больно!

– Конечно, больно. Лучше если сами прорежутся. Не хотите надрез делать, ждите.

Перепуганная Лиля по несколько раз в день заглядывала в ротик малыша, выискивая признаки прорезавшегося зубика. По ночам малыш часто просыпался и, чтобы не беспокоить мужа, она перебралась с ребенком в другую комнату.

Вовчик приходил поздно. В резкой форме высказывал жене, что ему не нравилось. А не нравилось ему все: Лилин вид, усталый и неприбранный, завтрак, поданный не на той тарелке, не так сваренный кофе, печенье, плохо отглаженная рубашка. Мало ли в чем можно выразить свое недовольство и сорвать дурное настроение. Дома Вовка выплескивал всю свою неудовлетворенность, благо жена смотрела на него с благоговением и молчаливо сносила любые капризы и оскорбления. И чем больше она молчала, тем разнузданнее он себя вел.

Доведенный недоступностью Фаины до бешенства, однажды Вовчик сорвался. Был теплый августовский вечер и он, как обычно, сидел в беседке во дворе, наблюдая за окнами знакомой квартиры. У Фаины в этот вечер собралась компания друзей. Вовчика на посиделки не пригласили, и он злился, угадывая по силуэтам за окном, с кем танцует хозяйка.

Компания долго, бурно веселилась и лишь за полночь стала расходиться. Владимир высмотрел всех, кто ушел. По его подсчетам лишь один из гостей, остался в квартире с Фаиной. Вот они вышли на балкон покурить, потом отразились на оконном стекле их силуэты, медленно движущиеся в танце, затем свет погас. Это была точка кипения гнева и раздражительности ревнивого наблюдателя. Он кинулся в подъезд, одним броском одолел лестничный марш до второго этажа и рванул на себя дверь. Хлипкий замок легко поддался и она с треском распахнулась. В следующее мгновение он оказался в Фаиной спальне. Дикий крик женщины не остановил, а лишь подстегнул Вовчика. Одним ударом он свалил на пол не ожидавшего наскока соперника, не позволяя ему подняться, с остервенением пинал и пинал его ногами, пока тот не затих.

От страха Фаина вжалась в угол кровати. Она уже не кричала, она молила небеса о своем спасении. Оставив соперника, Вовчик повернулся к ней.

– Что испугалась? Не бойся, Вовчик тебя в обиду никому не даст. Вовчик лишь вые... тебя по-мужски, чтобы знала, какой он сладенький! Зачем тебе, детка, такой хлюпик? – От этих слов Фаине стало еще страшнее, и она потянула на себя одеяло, словно оно могло ее защитить. – Не бойся, моя крошка! Тебе понравится, вот увидишь! – он навалился на Фаину.

На следующий день весть, что Вовчик изнасиловал Фаину, и избил Петрова, мгновенно облетела гарнизон. Взрослые полупешотом передавали друг другу, как измученная, в разорванном пеньюаре Фаина утром выползла на лестничную клетку и постучала к соседям, умоляя о помощи, как нашли в бессознательном состоянии Петрова, как патруль скрутил Вовчика и в ниглеже доставил на гауптвахту. Такого ЧП в гарнизоне еще не было! На Вовчика завели уголовное дело.

Когда Лиле сообщили о случившемся, она не поверила. Не мог ее муж избить человека до полусмерти. Она не помнила случая, чтобы он выяснял с кем-то из мужчин отношения при помощи кулаков. Она допускала, что получив отказ от Фаины, Вовчик мог применить силу, добываясь своего. Это Лилия не единожды испытала на себе. Но не надо было изначально поощрять его ухаживания, не стоило Фаине кокетничать с чужим мужчиной. В тот же день она выпросила у командира разрешение увидеть мужа.

– Я не верю, что Владимир совершил такой проступок! Не верю! Это все недоразумение! Я уверена, что вы разберетесь и отпустите его домой. А сейчас прошу, позвольте мне только на него взглянуть!

Ее просьбы были так искренни, что командир сдался и позвонил в комендатуру.

– Комендант, пропусти под мою ответственность эту, – командир запнулся, подыскивая слова, – «капитанскую дочку», пусть пообщаются. Да, присмотри там за идиотом, как бы чего еще не натворил. Эх, дочка! Не заслуживает он твоих слез! – с отцовской нежностью произнес он, провожая Лилию из кабинета. – Бежать тебе от него надо, а не хлопотать.

Когда Лилия вошла в камеру, муж лежал, отвернувшись к стене.

– Вовочка, ты спишь? – Тихонько позвала она, боясь нарушить его сон.

– Чего тебе? Зачем пришла?

– Вовочка, я тебе котлеток принесла. Ты, наверно, голоден. Здесь плохо кормят.

– Ты чего, дура, приперлась? Кто тебя звал? Котлеток она принесла! – Вовчик грубо рассмеялся и сел на край койки, на которой только что лежал. – Мне твои котлетки на х... не нужны. Катись к...

– Вовочка, ты расстроен? У тебя вон рубаха разорвана. Тебя били? Ты ведь не мог этого сделать?

– Мог – не мог. Сделал! – Вовчик постепенно успокаивался. – Чего ты тут приволокла? – Лиля подала ему пакет с едой. – Ступай. Принеси мне белье чистое и одежду. Это все провоняло.

– Вовочка, скажи, ты не виноват. Ведь, правда?

– Не твое дело. Ступай, принеси одежду чистую. Да отцу позвони срочно. Ступай, чего зеньки вылупила.

– Сейчас, сейчас. Я мигом.

Когда Лиля на углу возле магазина переходила улицу, навстречу ей попала одна из подружек Фаины. Завидел Лилю, она издали закричала:

– Глянь-ка, бежит красавица московская! Небось, на губу бегала, муженька проводывала? Ты бы лучше его ночами ублажала, чтобы он с голодухи на чужих баб не кидался, как кабель неудовлетворенный!

Каждое слово женщины кнутом било и обжигало Лилину душу. Чуть ли не бегом, она влетела в квартиру и всем телом привалилась к закрытой двери, словно боялась, что сейчас дверь откроется и за ней следом влетит эта крикливая женщина со своими обвинениями. Сердце колотилось, и с каждым его ударом Лиля понимала, осознавала – все правда, правда, правда! Вовочка совершил преступление и она, его жена, виновата в этом. Это она не досмотрела, она не остерегла, она не предупредила его. «Что же мне делать, что? Как же мне жить? Как дальше людям в глаза смотреть!» – Она со стоном упала на пол, забила в слезах и горе. От ее стога и плача проснулся сынишка и захныкал вначале потихоньку, затем все громче и громче. Лиля ползком, не было сил подняться, добралась до кровати сына и, уткнувшись лицом в теплое тельце малыша, забила в плаче.

– Маленький мой, хороший мой, как же мы теперь жить будем? Что будет с нашим папкой? Как нам жить дальше? – рыдала в голос женщина, прижимая к себе хрупкое тельце малыша, словно искала в нем защиту и опору.

– Эй, ты чего это голосишь? – в квартиру незаметно вошла Настя. – Я иду, слышу рев, толкнула дверь – открыто. Чего случилось?

– Во-во-вовчик, – заикаясь, сквозь слезы произнесла Лиля.

Настя прошла на кухню, намочила полотенце холодной водой из-под крана и, вернувшись, вытерла зареванное лицо подружки.

– Успокойся. Видишь, ребенка напугала, глупая. Подумаешь, Вовчик. Так ему и надо, гадине. Сколько я тебе говорила: «Возьми мужика в руки». А ты? Вот попустительство твое и довело до такого состояния. Вот он и вообразил, что ему все можно, все позволительно. Нашел ведь дурак на кого бросаться, на Фаинку. Да это Переходящее Красное Знамя и так дало бы, зачем его насиловать. Дурак, одно слово.

– Зачем ты так о нем?

– Ой-ей-ей! Ты его еще и защищать будешь. Вон лучше ребенком займись. Совсем испугала своим криком, да Антоша?

– Настя, что мне делать? Как дальше жить? – жалобно пролепетала Лиля.

– Ой, слушай, не смей меня! Как жить? Да живи, как жила. Это же не ты натворила, а он. Вот пускай и отвечает по полной. А ты-то при чем?

– Но ведь это мой муж?

– Муж, муж! Объялся груш. Я бы такого мужа давно под зад коленкой спровадила. А ты, небось, еще и защищать его собралась?

– А кто же ему руку помощи подаст?

– Вот дура, вот дура! «Руку помощи», – передразнила Настя подругу. – Вот кто его воспитал такого, тот пускай и подает. А ты уноси ноги от него и побыстрее, пока он тебе и твоему ребенку жизнь не искалечил основательно.

– Ох, я и забыла. Вовчик просил отцу позвонить.

– Вот-вот. Папаша приедет и отмажет подонка-сыночка. Звони уж, чего там.

Глава 10

Отец прилетел на следующий день. С вокзала он направился в штаб дивизии, куда был приглашен представитель прокуратуры с делом, заведенным по факту свершенного преступления. По ходатайству отца, Вовчика выпустили под домашний арест. Ему было строго запрещено появляться на улице.

Лиля с волнением ждала встречи со свекром. Она никак не могла представить, что скажет ему при встрече, как объяснит создавшуюся ситуацию. После ужина, по просьбе свекра, женщина ушла гулять с ребенком на улицу. О чем был разговор отца с сыном, Лиля так никогда и не узнала.

На следующее утро все – отец, Вовчик и Лиля с ребенком – отправились в госпиталь приносить свои извинения Петрову и Фаине.

Петров лежал спеленатый бинтами и только глаза его смотрели с удивлением на прибывшую делегацию. Лиле потом долго снилась его фигура-кокон с наивными голубыми глазами. У двери палаты Фаины, женщина остановилась. Ей не хотелось встречаться с соперницей, но Борис Николаевич подтолкнул легонько в спину.

– Пойдем, пойдем. Надо Володю выручать.

Фаина в легком ажурном пеньюаре лежала в картинной позе на аккуратно застланной кровати. При появлении гостей она всплеснула руками.

– Батюшки, кто к нам пришел! Что, не добил, решил в госпитале добивать?

– Зачем вы так, Фаина, – заступился за сына Борис Николаевич. – Он пришел покаяться, попросить прощения за содеянное.

– Покаяться? Вот это гавно еще и каяться умеет? – слегка приподнявшись, Фаина надменно ткнула пальцем в Вовочку. – А вы кто такой? Что-то не встречала вас в гарнизоне.

– Я понимаю вас, Фаина, оскорблена ваша женская честь. Но мальчик очень восприимчив и чутко реагирует на женскую красоту. Как можно пройти равнодушно мимо такой красивой женщины.

– Опаньки! – Фаина резко села в кровати. – Так это – есть мальчик? А ты, стало быть, его папаша? Хорошего сыночка вырастил, нечего сказать!

– Фаина, я виноват, я каюсь, но ты хоть отца не оскорбляй.

– Ох, ты! Голос прорезался! А ну, пошел вон отсюда! Пошел, пошел! Приперся и папочку приволок! А это кто там сзади? Ого, и эту кралю сюда притащил! Ты-то чего пришла? Неужто за этого поддонка просить? – Лиля молчала, не в силах произнести ни звука. – Эх ты! Дурочка. Он тебя с грязью мешает, а ты за него просишь. Славная ты баба, Лилька, а он ногтя твоего не стоит!

– Послушайте, Фаина, мы пришли к вам с благими намерениями, – вновь вмешался в разговор Борис Николаевич.

– Чего? – оборвала его женщина. – С какими, какими намерениями? А ну, вон отсюда и чтоб духу вашего здесь не было! Ишь, навоняли, дышать нечем!

– Фаина, давайте поговорим спокойно.

Но Фаина уже нажала на кнопку вызова медперсонала. Через минуту вошел доктор и, качая головой, вывел всех из палаты.

– Что, никак? – сочувственно обратился он к Борису Николаевичу. – Тяжелый случай, скажу я вам.

Тяжелый случай или не очень, кто его знает, но через пару дней Борис Николаевич возвратился от комдива в приподнятом настроении.

– Итак, дорогие мои! – сказал он, потирая руки – Вам отпущено ровно два дня на сборы.

– Не понял? Это как? – удивился Вовчик.

– Чего не понял? Через два дня твоего духу тут не должно быть, недогадливый ты мой! Или под суд захотелось пойти? Собирайте вещи!

– Так что, мы возвращаемся в Москву?

– В Сибирь ты у меня поедешь, если еще такое сотворишь, понял? В оренбургскую армию тебя переводят.

– Это что, еще одну дыру затыкать? Что я там делать буду? Неужели нельзя было где-то более приличное место найти?

– Вы посмотрите на этого хама! По нему тюрьма плачет, а он еще носом воротит – не туда прячут бедненького! Завтра с утра нам выделяют пару тройку солдат помогать упаковываться. В военторге я уже договорился, часам к десяти подкинут ящики. Тебе Владимир, завтра с утра сдать все казенное имущество и оформить проездные на себя, жену и ребенка. Не забудь в КЭЧ взять справку о сдаче жилплощади, я уеду на станцию выбивать контейнера, а ты, Лиля, распорядишься здесь личным составом. К вечеру все должно быть упаковано. С собой возьми только необходимые вещи для ребенка и вам. Понятно?

– Я не могу завтра, у меня работа

– Что? Лиля и ты туда же? Какая еще такая работа?

– А, ты не знаешь? – злорадно перебил папашу Вовчик. – Она у нас великая женщина-мученица! Ходит по избам, куски собирает. Ты думаешь, что вчера и сегодня котлетки ел из простого мяска? Нет. Это ее благодарные бабки подачки дали и она, благодетельница, их в дом притащила.

– Так. Это что еще за новости, Лиля?

– Это не подачки! И нечего я не кусочничаю. Я – работаю. Мне кажется, любая работа у нас в стране почетна.

– А теперь прошу подробнее. Где ты, девочка, и кем работаешь?

– Расскажи, расскажи отцу. Пусть погордится товарищ генерал своей невесткой! Расскажи, как полы моешь, и помой за старухами таскаешь.

– А что здесь плохого, что я помогаю пожилым и больным людям? Я работаю агентом соцстраха. Это, страхование людей, имущества, животных от всяких непредвиденных ситуаций. Когда я прихожу в дом и вижу, что пожилой человек болен, почему бы мне, здоровой женщине и не помочь ему, не вымыть пол или посуду, не приготовить что-нибудь съестное. И нет ничего позорного в том, что меня благодарят, как умеют эти простые люди.

– Так. А почему ты работаешь в страхагенстве?

– Но в этом городке негде больше устроиться. Это было единственное место, где можно хоть что-то заработать.

– А тебе не хватает денег, что муж получает?

– Вот, вот, отец. Я ей тоже говорю, надо быть хозяйкой и рассчитывать свои возможности.

– Да помолчи ты, – досадливо отмахнулся Борис Николаевич от сына. – Хозяйка она не плохая, как я успел заметить. Так что же, Лиля, тебе не хватает двухсот с лишним рублей в месяц на ведение хозяйства? Чего ты покраснела и молчишь? Говори правду.

– Борис Николаевич, вы только не ругайтесь, но Володя мне не дает таких денег.

– Вот как? И сколько же он выдает тебе на содержание сына и дома? Говори, говори. Не стесняйся. Здесь все свои.

– Тридцать.

– Тридцать? Шутишь? Это в неделю?

– Папа, я все просчитал.

– Заткнись, я сказал! Я пока говорю с Лилей! Так это он тебе на месячные расходы выдает? А квартплату он отдельно оплачивает?

– Нет. Это на все, – едва слышно пролепетала Лиля.

– Папа, послушай.

– Ах, ты, подлец! Ах, ты, подлец! Ты хотя бы о ребенке подумал? Ты что это творишь, гаденыш?

– Борис Николаевич, успокойтесь, не надо! – Лиля повисла на руке свекра.

Глава 11

Новый гарнизон встретил тишиной и спокойствием. Расположенный в маленьком городке-спутнике, среди выжженных солнцем оренбургских степей, припорошенный песком и пылью, с первого взгляда он казался пустым и необитаемым. Ровные современные коробки домов четкой линией выстроились вдоль прямой дороги, которую обрамляли тощие высохшие тополя. Наглухо завешанные белыми простынями окна, безлюдность, только увеличивали ощущение тоски и запущенности.

Машина резко остановилась у КПП. Выскочивший из будки солдатик, вытянулся в струнку. Его напарник по наряду торопливо поднял шлагбаум. Машина еще проехала метров триста и остановилась около офицерского общежития. С крыльца тотчас сбежал высокий подтянутый офицер и почтительно открыл Борису Николаевичу дверь машины.

– Добро пожаловать, товарищ генерал-полковник! Разрешите проводить.

– Помогите женщине с ребенком пройти в комнату!

– Так точно! – щелкнул каблуками офицер.

Малыш, которого утомила длительная поездка по степи, крепко спал, прижавшись к маме. Осторожно, чтобы не разбудить ребенка, Лиля поднялась на второй этаж в большой светлый двухместный номер, и уложила Антошку на кровать. Спина и руки затекли, освободившись от драгоценной ноши, женщина с трудом их растирала. В соседнюю комнату солдаты внесли чемоданы.

– Лиля, срочно приготовь мне парадный мундир! Через час мы с отцом должны быть у комдива.

– Не кричи, пожалуйста, ребенка разбудишь.

– Ты только посмотри, в какую дыру нас этот старый хрен завез? – не обращая внимания на просьбу жены, продолжал Вовчик, снимая с себя одежду и бросая вещи куда ни попадя. – Нет! Я сегодня же позвоню маме и все скажу! Пусть сам здесь сидит!

Снятые плавки, описав в воздухе полукруг, упали на лицо спящего ребенка.

– Володя, что ты делаешь? Разве можно так! Ребенку в лицо бросать грязное нижнее белье!

– Слушай, что ты орешь! Что ты орешь в последнее время! Не нравится, мотай отсюда в свою деревню! – Вовчик схватил Лилю одной рукой за шею, другой сжал пальцы на лице так, что женщина не могла и слова вымолвить. – Что, нашла себе покровителя? Защитника? Что он тебя вдруг так защищать стал? Постелилась под него, да? Хорошо ублажила, пока меня рядом не было? Он может, я знаю!

– Что ты такое говоришь? – Лиля вырвалась из цепких рук мужа. – Как ты можешь так? Он твой отец!

– Отец? Кабель он! Я знаю, как звезды падают на погоны. Ишь, моралист нашелся! И ты, сука, смотри у меня!

– Перестань! Я не давала тебе повода так говорить! Я тебе никогда и ни с кем не...

– А вот мы сейчас посмотрим! – и он, как голодный пес, накинулся на женщину.

От их громкого разговора проснулся ребенок и заплакал. Лиля потянулась к малышу, но разъяренный мужчина не отпустил.

– Лиля, что ты закуталась, словно на улице сорокаградусный мороз? – Борис Николаевич строго посмотрел на невестку. – Переоденься, будь добра! Ты молодая девушка, а одеваешься как древняя старушка! Через полчаса, ребята, идем смотреть квартиру. Собирайтесь!

– Простите, Борис Николаевич, я не могу с вами пойти. Что-то малыш закапризничал. Вы с Володей посмотрите, – Лиля на замечания свекра только еще плотнее запахнула шаль на груди.

Это движение не осталось незамеченным. Свекор подошел ближе к женщине, смущенно отступившей в темный угол комнаты.

– Ты что там прячешь, детка? Снимай шаль, не по сезону она. Сын, скажи жене, чтобы сняла шаль, меня она не понимает! Так. Понятно. Это за что же он тебя так?

– А что отец, муж уже не имеет права жену поучить? – наигранно бодро ответил Вовчик.

– Поучить, говоришь? За что, позволь узнать? – в голосе отца послышались металлические нотки.

– Да мало ли за что?

– Нет-нет! Борис Николаевич, не слушайте его. Это я поскользнулась и в ванной упала.

Голова закружилась.

– Поскользнулась? Голова закружилась? Ну-ну.

Мужчины ушли, а Лиля, стоя у зеркала, аккуратно стала закрашивать следы Вовкиных «ласк». Вечером состоялся неличеприятный разговор.

– Я не знаю, как вам, мои дорогие, все объяснить, – с иронией начал свою речь отец. – Натворили вы глупостей, это точно. Скажи, сынок, ты добровольно в Загс пошел или под дулом пистолета? А может быть, тебя под гипнозом туда завели или в беспомоществе? Отвечай.

– Папа, ты о чем?

– Нет, ты все же ответь, будь добр.

– Ну, добровольно, добровольно, – нехотя пробурчал Вовчик.

– А тебя, Лилия, кто заставил ставить свою роспись в Загсе?

– Никто.

– А ребенка заводить кто вас, идиотов, просил? Я? Мать?

– Борис Николаевич, к чему это вы?

– А к тому, мои дорогие, если вы добровольно соединили свои судьбы, то будьте добры отвечать за последствия этого союза. У вас ребенок! Кто просил его рожать?

– Я не просил.

– Вот как! Тогда надо было презерватив одеть! Или узлом завязать! Он не просил! Твой ребенок, ты за него в ответе! А теперь ты хочешь, чтобы твой сын вырос дебилом! А он им вырастет, если ты будешь маму на его глазах кулаком ласкать! Молчи! – остановил отец попытку сына что-то возразить. – Ты понимаешь, в какой ты сейчас оказался заднице? В том гарнизоне еще уголовное дело не закрыли, а ты уже тут отметку делаешь? Вы только приехали, вы новенькие в гарнизоне, на вас все глаза смотрят, пойми! Заметят побои, услышат скандал, политотдел моментально займется тобой! За решетку захотел? Тюремной баланды не хлебал?

– Что ты меня стращаешь, что ты стращаешь? – взвился Вовочка.

– Я тебя еще не страшал, я только предупреждал! Запомни, если еще не понял, я не вечный и всю жизнь у этой кормушки стоять не буду! Тебе дальше жить, тебе свой авторитет завоевывать. На какие рельсы сейчас встанешь, так и поедешь! Еще пару раз вляпаешься – ни мать, ни я не вытащим из дерьма. Уймись. Пора уже думать не головкой, а головой!

Вовка сидел, понурившись, у Лили пылали щеки. Впервые она видела таким Бориса Николаевича, впервые слышала грубую речь. Но она понимала, что Вовчику давно пора устроить хорошую головомойку, что безнаказанность ведет его к пропасти. Ее природная робость, а еще больше страх потерять мужа, потерять семью, остаться опять одной в этом огромном мире, подавляли, делали бессильной и слабавольной. Она молчала и надеялась, что встряска заставит мужа одуматься и вести нормальный образ жизни.

Трехкомнатная большая, светлая квартира Лиле очень понравилась. Дом стоял почти в центре городка. Рядом располагались школа, детский сад, дом культуры и большой современный универмаг.

По личной просьбе Бориса Николаевича Лилю сразу же приняли на работу в школу, а малыша – в детский сад. Антошка пару дней покапризничал, но потом спокойно стал оставаться в группе.

Накануне отъезда Борис Николаевич о чем-то долго беседовал с сыном, после чего Вовочка пару дней ходил хмурый, но потом как-то утих, успокоился. Все дни он проводил со своим оркестром в солдатском клубе, репетируя и оттачивая бравые военные марши, а вечером возвращался домой, устраивался с газетой перед телевизором. Лиля радовалась – наступила спокойная семейная жизнь.

Однако им пришлось еще не единожды менять гарнизоны.

Гарнизоны

Глава 1

Странные нравы в наших закрытых отдаленных гарнизонах. Молодой лейтенант еще в поезде трясется, к месту службы добираясь, а в гарнизоне уже знают: у Сидорова – лапа в штабах, у Петрова – папа в чинах, у Иванова – мама в верхах. Высшее начальство спину прогибает: мохнатей лапа, могущественней папа – спинка в большую дугу гнется и наклоняет нижестоящих – смотри, не обидь «сыночка». Еще бы! Всем хочется выбраться из Уральско-Сибирских гарнизонов в столичные места, да при этом еще и звезды сорвать чуть больших размеров, нежели те, что в данный момент сверкают.

Верхи стараются, а те, кто оказывается рядом, смотрят на такого «младенца» настороженно: кто ж его знает, что он вытворит и как потом аукнется. Ему-то что?! Его «папочка» отмажет, а тут самому приходится крутиться и звезды с неба не падают, и кашу манную на тарелочке с золотой каемочкой никто не преподнесет!

Но отдаленный гарнизон не раковина, в которой маленький моллюск обволакивает прожорливого червяка паразита своим телом и превращает его в драгоценную жемчужину. Изнеженный организм «сыночка» не приживается в грубом, здоровом теле настоящего военного коллектива, и, покрасовавшись, отторгается «дитятко» в другие «придворные» дивизии, в академии или «паркетные» части. Там ему легко и удобно в среде себе подобных.

Борис Николаевич не хотел переводить Владимира в «паркетные части», считая, что в отдаленных гарнизонах суровость быта, совместно с отцами командирами вложат в голову его сына то, что он, отец, не успел или не сумел. И гонял он «любимого сыночку» из одного «медвежьего угла» в другой, не обращая внимания на истерики жены и стоны отпрыска, в надежде, что тот одумается и будет жить по «чести и совести», совершенно отказываясь понимать, что такая воспитательная система несет в себе больше отрицательного, чем положительного эффекта.

Гарнизон, куда приехали Соколовские после очередного Вовочкиного фортеля, располагался далеко от местных поселений, в выжженной степи Казахстана. Борис Николаевич учитывая этот факт, радовался, что у сына будет меньше возможностей для соблазнов и больше воздействий и примеров настоящего армейского коллектива.

Командовал дивизией в ту пору генерал Харченко. Здоровый такой мужик, родом из Сибири, ростом под два метра, в плечах кося сажень. Служил он по чести и совести, а не за чины, звания и ордена. Всем этим обижен не был. В сорок третьем на войну ушел молоденьким курсантом, а вернулся боевым офицером. Как оденет по торжественному случаю парадную форму, на груди – иконостас! Настоящий генерал!

Жена у него была маленькая, хрупкая на вид, матершинница страшная! Вдобавок еще и курила. Говорили, что она, фронтовая медсестра, его, в то время молоденького лейтенанта, с поля боя всего изрешеченного пулями, выволокла. На фронте и поженились. Детей у них не было, но жили дружно и весело. Если в выходной или какой-либо праздник на улице раздаются переливы гармошки, все знали, комдивша развлекает общество. Выпив сто грамм наркомовских, как она говорила, комдивша брала свою тальяночку и шла на площадь у дома культуры. Площадка перед входом хорошая, от ветра защищенная. Народ собирался веселый, кто в пляс шел под звуки гармошки, кто частушки пел. Умела эта женщина завести народ на веселье. Чуть соберется человек десять, она быстро конкурс или какую-то игру организует.

У комдива свое увлечение – машины и футбол. Едва сходил снег, глядишь, он уже бегаёт с мячиком по футбольному полю, которое по его инициативе устроили рядом с ДКРА*. Маль-

чишки души в нем не чаяли. Мужики вместе с ним пристрастились гонять мяч. Даже соревнования устраивали между частями.

Те, кто не любил за мячом бегать, в машинки «играть» стали. Кто собирал какой-нибудь кабриолет, кто на «Запорожце» по автодрому, построенному за гарнизоном, гонял или в гаражах возился с моторами и карбюраторами.

Заводные они были комдив и комдивша. Но, ни он, ни она никогда на сторону не бежали, семейные отношения у них крепкие были. И об этом весь гарнизон знал. По этой ли причине, или по каким-то иным обстоятельствам, но разводов и больших конфликтов в семьях как-то поубавилось.

У Вовчика в подчинении была музыкальная рота, состоящая из солдат срочной службы, да одного старшины сверхсрочника, сорокалетнего многодетного мужчины, прослужившего в этой роте более двадцати лет. Подчинялся Вовчик непосредственно начальнику политотдела дивизии, а контактировал с начальником офицерского дома культуры.

Солдаты дирижера слушали и старались его замечания выполнять. Тем более что с приходом молодого офицера в репертуаре оркестра появились современные джазовые и эстрадные номера, а не только строевые марши. Все бытовые вопросы – обмундирование, содержание инструментов, график нарядов – решал старшина.

В городке художественная самодеятельность приветствовалась. Оркестранты всегда принимали активное участие в концертах, как в качестве аккомпаниаторов, так и в исполнении отдельных номеров.

Отчего и почему многие дамы Вовку считали красавцем, кто знает. Обычный парень, но франтоват. Форму, в отличие от других офицеров, носить не любил. Едва появлялась возможность, Вовка облачался в гражданский костюм. Ни одного концерта в ДКРА не проходило без его выступления. Выходил Вовка на сцену гордо, расправив плечи, откинув голову и заученно, маслянисто улыбаясь. Закончив петь, стоял пару мгновений, слегка склонив голову в полупоклоне, затем, когда зал разражался рукоплесканиями, делал несколько шагов назад, вглубь сцены и, раскинув руки, словно собирался заключить в объятия всех и вся, подходил к краю рампы, склонялся в глубоком поклоне, одну руку прижимая к груди, а другой – «подметая пол». Кто-нибудь из зала обязательно кричал «Браво» и все повторялось. «Артист, наш артист, – можно было услышать, выходя из зала. Постепенно это стало кличкой для Вовки, и если говорили Вовка Артист, все знали, о ком идет речь.

И еще одно хобби было у Артиста. Любил он охмурять женщин. В городке не было ни одной более-менее симпатичной женщины, за кем бы этот ловелас не волочился. Старожилы отбивались от него как могли, когда шуточкой, а порой и угрозой.

– Вот скажу своему, что ты ко мне клеишься, он тебе голову оторвет. И как только Лилька это терпит.

– Лилька, Лилька? Что Лилька? Обыкновенная деревенская баба, а ты вон какая! – все еще на что-то надеясь, восхищенно шептал Вовка, но на всякий случай отходил в сторону, потому что не единожды получал от мужиков.

В период приезда молодых лейтенантов у Артиста начинались гастроли! Каждый вечер можно было видеть его надушенного и наряженного, с таинственной улыбкой спешащего куда-то. И часто приходилось начпо вместе с женсоветом проводить с молоденькими лейтенантками просветительные беседы о чести семьи и верности, о трудной службе офицера и необходимом надежном тыле, семейном очаге. В такие периоды он просил комдива отправить в какую-нибудь командировку дирижера.

– Да куда я тебе этого трубодуя отправлю! Где он нужен и к чему приспособлен? Твои это обязанности воспитывать личный состав! Вот и воспитывай!

Начпо, почесывая затылок, уходил и приглашал к себе на беседу Вовчика. Наученный прошлым жизненным опытом, дирижер, ухмыляясь, на все вопросы отвечал: «Не знаю, не был,

не замечен!». Морщась, как от застаревшей зубной боли, полковник вынужден был отпустить прохвоста.

– Иди отсюда, святой, мать твою! Глаза б мои тебя не видели! Допрыгаешься, точно допрыгаешься! Оторвут тебе мужики все твои колокольчики и на люстру повесят, для назидания потомкам!

Вовка на время притихал, вновь с рвением муштровал свой оркестр и расширял репертуар.

В компаниях Вовку не любили за эти его отличительные качества, и приглашали только благодаря Лиличке, или, как звали дети, Лилии Ивановны, которую просто обожали все, от мала до велика.

Глава 2

Яркий солнечный лучик скользнул по столу, отразился в хрустальных ребрышках массивной чернильницы и мягко улегся Светлане на тетрадь. Женщина оторвалась от письма и посмотрела на окошко. Окно как окно. Легкий летний ветерок, влетая сквозь открытую створку, колыхал, играясь, листья буйно разросшихся комнатных растений, уютно пристроенных на подоконнике в красивых кашпо. В такт листикам величественно покачивалась кипенно-белая кисейная штора. На ветке куста сирени, росшего под окошком, деловитый воробей расторопно чистил свои перышки, совершенно не обращая внимания на молодую женщину. «Ишь ты, какой чистюля! – Усмехнулась про себя Светлана. – Точь в точь как мой Владик. Только зеркала не хватает».

Владик, сын, отдыхал на каникулах во Владимире у бабушек и дедушек, которые обо-жали своего единственного внука. Светлана скучала по сыну, но, что поделаешь, в связи со всеми неожиданными проверками, тревогами и прочими обстоятельствами, командование мужа в отпуск не отпускало, а значит и она не могла уехать из гарнизона. Отпуск они всегда проводили вместе.

С Левушкой они знакомы с раннего детства. Как смеялась мама Левушки, они поженились еще сидя на горшках, в яслях. И это в какой-то степени соответствовало действительности. Их родители жили в одном доме, на одной площадке и работали на одном и том же заводе. Отец Светланы был парторгом завода, а отец Левушки работал начальником одного из цехов. Так уж получилось, что когда от завода выделили землю под дачные участки, то и дачи у них оказались рядом.

Светланка росла хилым, болезненным ребенком. Лева, крепкий, спортивный мальчик, с детского сада привык защищать и опекать соседку. А когда подросли и пошли в школу никто не удивился, что он носит портфель девочки, завязывает ей шарфик, и следит, чтобы не забыла дома варежки. Долгое время учителя считали, что дети родственники – брат с сестрой. Да и сами они себя так ощущали. Порой ссорились, мирились и даже дрались. Но это между собой. А стоило хоть кому-либо обидеть Светланку, как Левка тут же отвешивал обидчику такого тумака, что тот не только сам зарекался, но и других предупреждал: «Вы Светку не троньте, Левка голову оторвет». Светланка, увидев, что в мальчишеской драке достается ее другу, визжала так, что все взрослые в округе сбегались на помощь девочке. Поэтому при любой драке, если раздавался крик: «Атас! Светка на горизонте!» – мальчишки разбегались быстрее, чем при появлении милиционера.

После окончания восьмого класса, Лева вдруг решил пойти учиться в техникум. Его отговаривали все. Учителя утверждали, что мальчику просто необходимо получить полное среднее образование и поступать в институт, тем паче, что учеба дается ему легко. Друзья и одноклассники сокрушались – с кем теперь гонять в футбол, и кто заменит капитана школьной команды. Родители говорили, что недоучек в семье не было и не должно быть. Лева разумно возражал.

– Я учебу не бросаю. Окончу техникум, познакомлюсь с профессией технаря и, если понравится, пойду учиться в технический вуз.

– Тебе хочется узнать, как работает слесарь с токарем? Хорошо, я это устрою, – сказал умный и рассудительный папа и на время каникул пристроил сына работать на завод.

Лето мальчишка проработал, а осенью со всеми одноклассниками пошел в девятый класс. Но, закончив обучение в школе на «отлично», не поступил в институт, как ни уговаривали родители, а ушел служить в Армию.

Через год службы парень сообщил родителям, что написал рапорт на поступление в военное училище. Отец поворчал-поворчал и согласился.

– Офицер – тоже мужская профессия!

– Да как же так, Яша? Это он всю жизнь будет где-то вдали от дома скитаться!

– Ты, мать, не реви! Не на войну проводила! В армии тоже умные люди нужны. А мы, я надеюсь, мозги ему правильно вставили. Главное, чтобы честно долг свой выполнял, чтобы нам перед людьми не краснеть. А где он себя проявит, это уж ему решать.

– Так-то оно так, Яша. Да ведь один он у нас.

Светланка в это время училась на втором курсе института. Перед уходом Левки в Армию они просидели до самого утра на лавочке в соседнем сквере и впервые тогда поцеловались, впервые парень прошептал ей на ушко заветное словечко: «люблю», а она ему – «буду ждать»! И она ждала. Писала письма в перерывах между лекциями и хранила его послания в шкатулке, которую когда-то, в классе пятом или шестом, мальчика сам смастерил на уроке труда и подарил на восьмое марта.

О своих раздумьях и решении стать кадровым военным Левка первой написал Светлане. Кто из девчонок не мечтал видеть рядом с собой мужественного офицера, летчика или моряка! Это так романтично, так возвышено! «Жди меня и я вернусь!» Ах, девочки, девочки! Если бы вы знали, какой это труд, какая это обязанность быть женой офицера!

Воробей вдруг насторожился, притих, а затем вспорхнул и улетел. «Опять Тимофей на охоту вышел, – усмехнулась про себя женщина, и уже собралась было выглянуть в окошко, чтобы отругать толстого полосатого кота, любимца всех клубных сотрудников, но тут после короткого стука в дверь, вошел дирижер гарнизонного оркестра.

– Разрешите, СветОчейМоих, войти!

– Входите, – Светлана досадливо нахмурила брови. К удивлению многих ей не нравился этот красивый щеголь. – Я пригласила вас, чтобы обсудить некоторые детали завтрашнего мероприятия.

Светлана объясняла офицеру, как и что предстоит сделать, а сама все пыталась отогнать невольное сравнение его с котом, что взобрался на ветку и разлегся перед самым ее окном, лениво поваливая пушистым хвостом. Ироничная улыбка проскальзывала на ее строгом лице. Светлана знала блудливый характер дирижера. С его женой они дружили с первых дней приезда Соколовских в гарнизон. Лиля, миниатюрная, хрупкая женщина поражала Светлану своей эрудицией и широтой взглядов, интеллигентностью и выдержкой. Она не могла понять, почему эта умная женщина терпела измены мужа.

И поняла это только когда однажды в начале лета три подружки Лиля, Алена Микушина и Светлана решили вместе заняться рукоделием. Сергей, муж Алены, вернулся из командировки в Ригу, привез журнал «Бурда моден» и несколько ярких отрезков ткани. Все три подружки мастерски владели иголкой.

– Девочки, мне надо придумать такой сарафанчик, чтобы на море ходить! Малой всю зиму то чихал, то кашлял. Врач говорит, что хорошо бы его на морском песочке прогреть. В село ехать нет желания, мама померла, а батько совсем сказился*. Тетка пишет, всех проклятиями осыпает с амвона. Я думала, тетка обидится, а она одобрила. Даже прислала адрес своей знакомой из Туапсе, у которой можно квартиру снять. Так что, Лиля, крои мне сарафан.

– Конечно сарафан, но чтобы было все закрыто, а то кто-нибудь посмотрит на такие прелести и Серега утопит любопытного в море, – пошутила Светлана.

– Да ладно вам, девочки! Ну, есть у него маленький бзик, ревность, та мне от этого ни тепло, ни жарко! Лучше пусть меня ревнует, чем я его. Светлан, а вы, куда в этом году поедете?

– Ох, девочки, я бы с удовольствием дома побывала, с родителями. Мама пишет, отец болеть часто стал. Возраст сказывается, да война аукается. Но Левушке путевку в санаторий дают, а после санатория только домой, во Владимир.

– Лиля, а полочки сметывать или подождать?

– Пока выточка сметай, и плечевые швы. Прострочим, горловину и проймы обработаем, тогда и стачаем полочки.

- Лиля, какая ты у нас умница. Кто тебя крою научил?
- Бабушка Маня. Она считала, что девочка все должна уметь сама делать.
- Я гляжу, ты уже и Настенку учишь вязанью, а моей Машуле все бы прыгать да скакать.

Вы после экзаменов поедете в отпуск или мужа задержат?

- В первых числах июля уедем.
- И где отдыхать будете?
- Я с детьми в Марьином ручье.
- Это что, санаторий так называется?
- Нет. Это название деревни, где я выросла и где мы с детьми всегда отдыхаем летом.
- Погоди, Лиля, но Владимир только вчера мне разрисовывал, как он всегда отдыхает в Крыму, и в этом году собирается туда же, – удивилась Светлана.

– Владимир может быть и хорошо в Крыму отдыхает, а мы с детьми всегда у нас в деревне лето проводим и ничуть об этом не жалеем.

- И ты никогда на море не была? – удивилась Алена.
- Никогда не была.
- И детей на море не отпускала?

– Нет, почему же? Один раз родители мужа взяли Антошу с собой в Баден-Баден. Мне этого хватило на всю жизнь! Больше я никогда своих детей ни с кем, ни на какие моря не отправлю!

- Так ты не доверяешь его родителям! – искренне удивилась любопытная Алена.
- Нет, не в этом дело. Понимаете...

И Лиля рассказала подружкам о том, как обманул ее Вовчик, как познакомилась с его родителями, и какие отношения установились между ними. Алена ахала, а Светлана сердцем поняла, как тяжело этой хрупкой женщине, искренне сожалея, что не может помочь.

*сказился – с ума сошел (суржик)

Глава 3

Лев Константинович торопился домой. Только что командир дивизии подписал его рапорт об отпуске. Майору очень хотелось порадовать этой новостью свою жену, Светланку. Он представил, как вспыхнут веселые искорки в ее больших голубых глазах, как она закружится по комнате под беззвучную музыку сердца. А ведь когда-то, маленькой девочкой, она от радости прыгала на одной ножке. Как давно это было. А кажется, что недавно.

Это совсем недавно ему торжественно вручили погоны с блестящими золотыми звездочками, а потом был торжественный вечер в Кремле для выпускников, закончивших военные училища «на отлично», с красными дипломами. И торжественное вручение направлений в войска.

Он хорошо помнит, как его, незадолго до выпускных испытаний, вызвали в кадровую комиссию и пожилой, усталый полковник удивился его выбору.

– Лев Константинович, годы учебы подходят к завершающему этапу. Вы получили хороший багаж знаний и показали отличные способности. Учитывая все это, командование предоставляет вам право выбора места службы. Ознакомьтесь со списком, посоветуйтесь с родными и сообщите нам о принятом решении.

– Товарищ полковник, а могу ли я сейчас высказать свое мнение по этому вопросу?

– Да. Конечно, если оно у вас уже сформировалось.

– Могу я просить командование направить меня для дальнейшего прохождения службы в Уральский военный округ, именно в ту дивизию, откуда был направлен на учебу?

– Можете, но мне кажется, что вам следовало бы ознакомиться со списком и посоветоваться с родными. У вас хорошие данные для кадрового офицера, отличная подготовка. Вас с превеликим удовольствием примут в академию, и в дальнейшем есть перспектива остаться служить в столице. Мне говорили, что вы собираетесь изменить свою личную жизнь, то есть жениться. Или это просто слухи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.